

## ПИСЬМА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО К Л. Н. ВИЛЬКИНОЙ

*Публикация В. Н. Быстрова*

Имя Людмилы Николаевны Вилькиной (1873—1920), переводчицы, поэтессы и прозаика, было хорошо известно в модернистских художественных кругах с конца 1890-х годов. Петербургская квартира Вилькиной и ее мужа Н. М. Минского в доме № 62 по Английской набережной являлась в начале века одним из популярных литературных салонов. В разное время Людмилу Николаевну связывали близкие и дружеские отношения с В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Н. Бердяевым, В. Розановым, Л. Бакстом и др.<sup>1</sup>

Л. Н. Вилькина обладала скромным поэтическим дарованием, сочиняла камерные, во многом эпигонские стихи, навеянные символистской поэзией рубежа веков и не выходявшие, как правило, за пределы «декадентских» тем и мотивов. В. Розанов в предисловии к ее сборнику сонетов и рассказов «Мой сад» писал об авторе: «Она больше задумывается, чем надумывает, и предпочитает больше грезить, нежели видеть <...> Она — немного сомнамбула в стихах. Читатель редко сумеет связать их с действительностью. <...> Поэтесса не претендует на современность. Она принадлежит к тем «душам-потемкам», которых окрестили именем символистов...».<sup>2</sup>

В стихах Л. Н. Вилькиной, действительно, преобладают мотивы отъединенности от мира, ухода в замкнутую сферу индивидуальных переживаний, мечтаний и грез: «Вся жизнь моя — задуманный узор...» (Мой сад. С. 10); «Я — целый мир. Мой мир мне верен будет» (там же. С. 13); «Мне жизнь милей на миг, чем навсегда» (там же. С. 14) и т. д. О подобного рода декларациях В. Брюсов в своей ироничной рецензии на сборник заметил: «Все это мысли, которые уже довольно давно перестали быть новыми...».<sup>3</sup> Не отличалась оригинальностью и проза Л. Н. Виль-

<sup>1</sup> Подробнее о Л. Н. Вилькиной см.: *Брюсов В. Я. Письма к Л. Н. Вилькиной. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 126—135; Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 442—443 (статья А. В. Лаврова).*

<sup>2</sup> *Вилькина Л. (Минская). Мой сад. Сонеты и рассказы. М., «Гриф», 1906. С. 5, 6.*

<sup>3</sup> *Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Сост. Н. А. Богомолова и Н. В. Котрелева. М., 1990. С. 222.*

киной. Это, впрочем, не мешало периодическому появлению ее стихов и рассказов в различных модернистских изданиях (в альманахе «Северные цветы», журналах «Новый путь», «Весы», «Золотое руно» и др.). Д. С. Мережковский относился к числу тех немногих художников-модернистов, кто довольно снисходительно воспринимал поэтическое творчество Людмилы Николаевны. И тому были свои, особые, причины...

Д. С. Мережковский был знаком с Л. Н. Вилькиной еще с 1890-х годов. Однако его явный интерес к ней выразился позднее и достиг кульминации в 1905—1906 гг., когда их отношения стали постепенно перерастать рамки дружеского общения. Именно к этому периоду и относятся дошедшие до нас письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной.<sup>4</sup> Инициатором перемены в отношениях явился, вероятно, Мережковский, хотя нельзя исключать определенной инициативы и со стороны Людмилы Николаевны, не чуждавшейся внимания именитых поклонников.

Увлечение Мережковского было, по его словам, «метафизического» свойства и имело довольно сложную психологическую подоплеку. Не вдаваясь в тонкости, о которых можно лишь гадать, нужно отметить, что Мережковский уловил в характере и натуре Людмилы Николаевны нечто близкое и родственное ему самому: двойственность сознания, переживание внутренней борьбы духа и плоти, сочетание детскости и искушенности, застенчивости и стремления к свободе, стыдливости и «демонических» порывов (см. письмо от <18 июня 1905>). И интуиция, похоже, не обманывала Дмитрия Сергеевича: у них действительно была определенная схожесть натур и мироощущений. Не случайно в концовке исповедального стихотворения «Я» Вилькина задается вопросом совсем в духе Мережковского:

Кто ближе мне и кто сильнее из двух?  
Дух святости иль страсти темный дух?..<sup>5</sup>  
(*Мой сад*. С. 23)

Мережковский подчеркивал и еще одно немаловажное, с его точки зрения, обстоятельство: «Кажется, мы нравимся друг другу тем, что мы оба очень *свободны* и бескорыстны. Это главное, подлинное, а все остальное — внешнее, второстепенное»<sup>6</sup> (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 882, л. 94 об. — 95. В дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте с указанием листа).

В одном из первых писем, относящемся к марту — апрелю 1905 г., Мережковский называет Вилькину «колдуньей», которая варит «любовное зелье из многих похищенных сердец». «Признайтесь, — спрашивал он, — хотелось бы Вам и моего бедного сердца, милая колдунья?» (Л. 110). С самого начала Мережковский не хотел обнаруживать своих симпатий, стараясь скрывать проявления зарождающихся чувств. В письме, датиро-

<sup>4</sup> Некоторые письма (главным образом носящие характер кратких срочных сообщений, то есть наименее значительные по содержанию) не датированы, но с большой долей уверенности можно утверждать, что они написаны в то же время.

<sup>5</sup> Ср. в поэме Д. Мережковского «Старинные октавы»:

С Владыкой Тьмы враждует Ангел Рая:  
Кому из них я первенство отдам,  
Кто победит меня, — не знаю сам.

<sup>6</sup> Характерно, что в своем предисловии к сборнику «Мой сад» В. Розанов назвал Л. Вилькину «капризным существом, не знающим сил, под которыми смирился мир: господина, закона и обычая» (Мой сад. С. 5).

ванном 5 марта 1905 г., он писал: «Нас окружает чрезмерное любопытство. А это скучно. И, вообще, как неустроено современное общество для самой даже невинной, но свободной игры. Мне нравится в Вас то, что Вы умеете играть. Кажется, умеете?» (Л. 1—1 об.). Такая «свободная игра», по мысли Мережковского, предполагает род полунитимым дружбы между мужчиной и женщиной, которая окрашена нарочитой неопределенностью: вроде бы страсть, но светлая, сдержанная, вроде бы близость, но до определенной черты, вроде бы все происходит в действительности, наяву, и в то же время — как бы за пределами «житийской жизни»... Одно из необходимых условий подобной «дружбы-игры» — отрешенность, забвение окружающего, уход от обыденности в выдуманный мир, погружен в «сон наяву» (см., например, письмо от <18 июня 1905>). Казалось бы, подобная настроенность позволяла Мережковскому надеяться на понимание и взаимность. Л. Н. Вилькина в своих стихах выражала сходные, в сущности, мысли и желания. Так, в сонете «Влюбленность... она декларировала: «Люблю я не любовь — люблю влюбленность... <...> Любовь как смерть. Влюбленность же, — как сон» (Мой сад. С. 43). Мережковский, желая отчлстливей обозначить эту родственность подспудных переживаний и надежд, в письмах к Вилькиной часто переводит на язык прозы то, о чем говорится в ее стихах (количество явных и скрытых цитат, реминисценций весьма значительно, что, конечно же, не случайно). В одном недатированном письме содержится любопытное свидетельство Мережковского о том, насколько чутким он был к словам, сказанным Вилькиной: «Я ведь знаю, что Вы в сущности добренькая, «вся светлая и свободная» — как сами Вы говорите — без всяких темных, грешных, или «святых закоулков души» — тоже Ваше слово. Видите, сколько я запомнил Ваших слов» (Л. 111). Это было как бы угадыванием за словами скрытых помыслов и желаний. И «роман» должен был постепенно обрести очертания поэтической мечты героини. Предельно ясно и откровенно Мережковский выразил этот подтекст своих отношений с Вилькиной в одном из августовских писем 1906 г., когда «роман» уже подходил к концу: «...я Вам отражал в моей нежности то, что Вы сами в себе любите» (Л. 94 об.). Мережковский все время убеждал Вилькину поверить в реализуемые им «правила игры». Однако, как показывают письма, сложность, непредсказуемость человеческих взаимоотношений мешали воплотить в жизнь эти романтические помыслы и намерения. Мережковский в своих посланиях нередко сетует на непонимание, отсутствие доверия и доверительности. Выдуманные и подлинные чувства смешались так, что порой трудно было узнать, где кончается «игра» и начинается истинная человеческая привязанность с ее глубиной и теплотой. Отсюда и проистекали разногласия. В недатированном письме Мережковский с горечью писал: «Вы вообще не верите мне ни в чем. Это меня отталкивает от Вас. Если бы Вы мне поверили во всем до конца, как бы это сразу сблизило нас! Впрочем, Вам и не нужно сближение наше — это я чувствую с абсолютной ясностью. У Вас ко мне *только любопытство* (правда, большое). А равнодушное любопытство не располагает к откровенности. Вот почему я с Вами так сдержан» (Л. 119—120).

Существенно, что в письмах Мережковского к Л. Н. Вилькиной отразилась развернутая в них своеобразная «философия любви». Эти письма — примечательный человеческий документ тех лет, когда резко возрос интерес к вопросам пола, эроса, когда много писали и спорили о свободе личности, реабилитации и освящении плоти, тайнствах греха, «демонизме» и т. п. Их и нужно воспринимать в контексте эпохи как индивидуальное выражение господствовавших веяний времени, поисков свободы. Как известно, Мережковский был одним из тех, кто на рубеже веков проповедовал идею синтеза духа и плоти, примирения в сознании

современного человека языческих богов и христианского Бога.<sup>7</sup> Выражением этих поисков синтеза стал культ «дионисийства», особо щедрую дань которому отдал Вяч. Иванов. В повседневности, на бытовом уровне, поклонение Дионису воплощалось по-разному, но чаще всего сводилось к бурному всплеску страстей и эмоций, к реализации тайных желаний, к «стихийному» поведению. Письма свидетельствуют, что Мережковский, вообще-то не склонный к безудержным языческим порывам, пережил увлечение «дионисийством» (см., например, письма от второй половины марта — первой половины апреля 1905 г. и 6 января 1906 г.).

Суждения Мережковского на тему любви, эроса подчас достаточно отвлеченны, и это позволяет вывести разговор за рамки сугубо личных отношений двоих: многое из того, что говорится в письмах о любви, дружбе, страсти, нередко тяготеет не только к сфере чувств, «живой жизни», но и к сфере идей, искусства. Здесь видны отчетливые приметы такого распространенного в модернистских кругах начала века явления, как «жизнетворчество», превращение будничной жизни в «творимую легенду». Не случайно в письмах то и дело возникают философские и литературные мотивы, призванные рационально объяснить иррациональные, по сути, вещи. . .

Важный аспект писем Мережковского к Л. Н. Вилькиной заключается в том, что в них запечатлелись некоторые скрытые от окружающих черты личности писателя, его характера, души. Они могут служить как бы «штрихами к портрету». Мережковский порой раскрывается с неожиданной стороны, пытается откровенно высказаться, объяснить себя человеку, в понимании и доверии которого в данный момент нуждается. Необходимо учитывать то обстоятельство, что Мережковский в целом не тяготел к углубленной исповедальности. В письме от (18 июня 1905 г.) он признавался: «О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить» (Л. 25). В его жизни было мало людей, с которыми он откровенно говорил о личном. На это не раз обращала внимание в своих мемуарах З. Н. Гиппиус.<sup>8</sup>

Безусловный интерес представляют те письма к Л. Н. Вилькиной, которые касаются разнообразных сторон частной и творческой жизни Мережковского, его отношений с писателями-современниками (Н. Минским, В. Розановым, Вяч. Ивановым и др.), а также характеризуют восприятие им драматических событий 1905—1906 гг.

Следует отметить, что эти годы многое определили в мировоззрении Мережковского. Это не было для него время кардинальной переоценки ценностей, но это было время, когда идеи неохристианства еще более укрепились в его сознании под давлением реальной жизни, социальных потрясений.<sup>9</sup> Именно тогда, вероятно, он окончательно предпочел теориям

---

<sup>7</sup> Н. Бердяев, излагая основные идеи Мережковского, в частности, подчеркивал: «Двойственность должна быть преодолена в высшем утверждении, а не отрицании; наше языческое возрождение, реабилитация плоти и радости земной, должны быть признаны равными по святости и божественности с возрождением христианским. . .» (*Бердяев Н. О новом религиозном сознании//Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 160*).

<sup>8</sup> Ср.: «Его всегда занимало что-нибудь большее, чем он сам, и я не могу представить себе его, говорящего с кем-нибудь «по душам», интимно, — о себе самом» (*Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 115*).

<sup>9</sup> В автобиографической заметке Мережковский свидетельствовал: «То, что я передумал, а главное — пережил в революционные годы 1905—1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решаю-

социальных преобразований идею духовного преображения мира. Письма отражают в какой-то степени атмосферу тех дней, дают представление о том, какие явления и факты внешней жизни могли сказаться на мировосприятии Мережковского. Они лишней раз подтверждают: отрицательное отношение писателя к социальным волнениям 1905—1906 гг. определялось главным образом тем, что, с его точки зрения, это была революция «без Бога», без надежды на духовное перерождение общества, то есть, в конечном счете, бесплодная. Порой довольно скептически, судя по письмам, оценивал он и роль культурных сил, интеллигенции в сложившейся драматической ситуации (см., например, письмо от 20 октября 1905 г.). В это время Мережковский очень много и напряженно размышлял о судьбах и предназначении русской интеллигенции, которую считал «живым духом России». <sup>10</sup> Тревога и горечь его были вызваны тем, что именно на интеллигенцию он возлагал свои главные надежды, связанные с религиозным обновлением общества. <sup>11</sup>

Сохранилось 54 письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной (среди них — одна телеграмма, несколько коротеньких записок из одной-двух фраз). Они находятся в архиве Н. М. Минского и З. А. Венгеровой (Ф. 39, оп. 3, № 882). Для настоящей публикации отобрано 28 писем, относящихся к периоду с 5 марта 1905 г. по 10 октября 1906 г. (тексты еще 12 коротких писем приводятся в примечаниях и преамбуле).

До нас дошли 4 ответных письма Л. Н. Вилькиной (2 из них — в черновиках), написанных в апреле — июне 1905 г. (они хранятся в том же архиве). Эти письма дают ценный материал для понимания некоторых сторон взаимоотношений Мережковского и Вилькиной в начальном периоде их «романа».

Тексты писем публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда индивидуальные авторские особенности имеют какое-либо смысловое значение. Все подчеркнутые в тексте слова выделены самим Мережковским. Перевод иностранных слов и текстологические пояснения приводятся под строкой; сокращенные слова, а также инициалы известных лиц раскрываются в угловых скобках; в квадратных скобках даются зачеркнутые слова.

## 1

15/III — <19>05

Приходите сегодня к Сологубу. Мне хочется Вас видеть. Слышу, как Вы спрашиваете, уставив на меня любопытные пристальные глазки: «Зачем я вам?» Не знаю зачем. Мне

---

щее. Я понял, — опять-таки не отвлеченно, а жизненно, — связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианства нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе» (*Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. Т. XXII. М., 1914. С. 115).

<sup>10</sup> *Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. СПб., 1906. С. 37.

<sup>11</sup> В статье «Грядущий Хам» Мережковский писал: «И прежде всего должно пробудиться религиозно-общественное сознание там, где есть уже сознательная общественность и бессознательная религиозность, — в русской интеллигенции, которая не только по имени, но и по существу своему должна сделаться *интеллигенцией*, то есть, воплощенным... разумом, сознанием России» (Там же. С. 38).

с Вами весело, просто весело. Мне хочется с Вами играть, шалить, как мальчишки [играют] шалят с девочками. Не правда ли — это довольно смешно и даже глупо со стороны почтенного педанта, книжника; «благословенного» cher maitr'a<sup>a</sup>? Но что же делать? Иногда довольно приятно глупеть.

Хотелось бы играть с Вами в пятнашки, как мудрому кентавру Хирону<sup>1</sup> с маленькой беленькой нимфой Бэлою,<sup>2</sup> на темно-зеленой лужайке,<sup>3</sup> окруженной стеною исполинских древних черных кипарисов, и чтобы это было за тысячи верст, за тысячи лет и еще дальше, дальше — в Золотом веке — во сне.<sup>4</sup> [Я отлично] И если бы я Вас ласкал, то ласки мои были бы невинны и легки, как трепетания крыльев пойманной бабочки.<sup>5</sup> И Вы *никогда* из ласк моих так и не узнали бы, влюблен я в Вас или не влюблен. . .

Я отлично понимаю, что к золотому веку от нашего века булыжного все пути заказаны, что мы оба не дети, а взрослые, что Вам все это не нужно и, наконец, даже скучно. Ну, что ж, и поскучайте! Мне все равно. Я не боюсь, когда со мною кому-нибудь «скучно». А если не желаете скучать, то уходите. *Мне всё всё равно*. Вы мне решительно ничем не можете помешать. . .

Если не придете сегодня, то приходите завтра на мое чтение. Посылаю Вам билет.

Д. М(ережковский)

Р. С. Будьте добренькой, Бэла, Бэлочка милая, скажите, от кого Вы вчера получили «страстное» письмо. Мне ужасно любопытно. Неужели от Бердяева!? Скажите, хотя бы для того, чтобы убедиться, что я умею хранить тайны.

<sup>1</sup> Хирон — мифический полубог, сын Кроноса, самый выдающийся из кентавров, полулюдей-полуконей, обитавших в горах и лесных чащах; почитался в Греции как мудрое существо, в лице которого нашли олицетворение целительные и облагораживающие силы природы. О кентавре Хироне, который «мудростью превосходил всех людей», Мережковский упоминает в новелле «Святой Сатир», где воссозданы картины «золотого века» языческих богов (*Мережковский Д.* Любовь сильнее смерти. 2-е изд. СПб., 1904. С. 140).

<sup>2</sup> В письмах Мережковский почти всегда называет Л. Н. Вилькину «Бэлой». Так звали ее в кругу близких (первоначальное имя Вилькиной, до принятия в 1892 г. православия, — Изабелла). Ср. в ее сонете «Я»: «Мне с малых лет прозвание дали „Бэла“, /Хоть в память я Людмилы крещена» (Мой сад. С. 22).

<sup>3</sup> Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «В лесах»: «Я на ковре из трав темно-зеленых/Не сплю, но вижу чащи пестрый сон. . .» (Мой сад. С. 35).

<sup>4</sup> Мотивы «грёз», «сновидений», ухода в воображаемый мир весьма ха-

<sup>a</sup> Наставника, мастера (*фр.*).

рактерны для лирики Л. Н. Вилькиной; ср., например, в стихотворении «Влюбленность»: «Любовь — как смерть. Влюбленность же — как сон./ Тот видит сновиденья, кто влюблен» (Мой сад, С. 43).

<sup>5</sup> Здесь также отчетливо ощутимо стремление Мережковского как бы воплотить тот образ отношений, который жил в поэтическом сознании Л. Н. Вилькиной; ср.: «От смертных жал бегу к своим мечтам/И легкие ишу прикосновенья. . .» («Обладанье» — Мой сад. С. 47); «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» — там же. С. 44).

## 2

〈Март 1905 г.〉<sup>1</sup>

Эти дни думал о Вас много. С Вами потому трудно играть, что игра для Вас слишком безопасна. Вы *влюблены в себя*, и другие люди служат Вам только зеркалами, в которые Вы на себя любуетесь, а зеркало — игрушка слишком безопасная.<sup>2</sup> Игра же становится увлекательной только по мере опасности для *обеих* сторон.

Я в Вас еще (или *уже?*) не влюблен, но если бы и влюбился, то не з(н)ал бы, в кого — в Вас, живую, или в призрак, созданный моею собственной жаждою влюбленности.

Хотел бы видеть Вас, но боюсь посторонних людей — у меня ребяческая застенчивость и неуклюжесть.

Не встретимся ли завтра в четверг в 5 ч(асов) на выставке в Академии Художеств?<sup>3</sup>

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Датируется по содержанию, а также по сходству конверта с письмом от 5 марта 1905 г. (таких белых конвертов среди сохранившихся — всего два).

<sup>2</sup> Этот образ, возможно, навеян рассказом З. Н. Гиппиус «Зеркала» (1896).

<sup>3</sup> В начале марта в Академии художеств открылась традиционная «весенняя» выставка, на которой были представлены живописные и скульптурные работы. На следующий день Мережковский послал Вилькиной записку: «Как хотите. Но я Вас буду ждать сегодня в 5 ч(асов) в Академии. Д. М(ережковский)» (Л. 116).

## 3

Суббота. 5 ч(асов) 〈Вторая половина марта — первая половина апреля 1905 г.〉<sup>1</sup>

«Свидания невозможны» (хотя не знаю, почему?), но возможны мимолетные случайные встречи, такие как в четверг.

Я сегодня буду на Портретной выставке.<sup>2</sup> Вы давно уже хотели быть там. Я отлично знаю, что Вы сегодня туда не пойдете именно для того, чтобы не встретить меня; но я все-таки буду ждать Вас в 10 ч(асов) веч(ера) в зале Александра I (последняя зала). Это безумие? Ну что ж, мне ведь теперь остается надеяться только на мое и на Ваше безумие. О, будьте безумною! Недаром же в Ваших чудесных колдовских глазах проходят иногда искорки безумия. Не мудрый и «корректный» Аполлон, а безумный и «некорректный» — пьяный Дионис — Ваш бог!<sup>3</sup> Недаром же Вы любите шампанское. Моя безумная мечта пить с Вами вино. Хотите?

Я тоже колдун. Я очертил Вас очень широким кругом, но круг будет становиться все уже и уже, и мы опять встретимся, и Вы вернетесь ко мне, и Вы будете — не смею договорить безумного слова, — Вы пока слишком благоразумны, слишком «корректны». Я жду.

Я буду ждать Вас и сегодня. Если Вам скучно ехать одной так далеко (на хорошем извозчике всего 20 м(инут)), я мог бы заехать за Вами в 9 ч(асов) в(ечера). Не отвечайте «нет» — я устал от Ваших «нет». Пусть Ваше молчание значит «нет». Без Вашего позволения я к Вам не приеду. Но лучше скажите: «да», а потом тысячи «нет». Тогда Ваши «нет» сделаются сильнее, вернее, чем теперь. А то теперь Ваши «нет» еще слишком похожи на «да» — о, разумеется, против Вашей воли, против Вашего «благословенного», патриархального библейского, розановского<sup>4</sup> благоразумия. Значит, да? Но если и нет, то, рано или поздно, будет да, будет да, будет да!

Видите, мои письма становятся похожи на заклинания.

Ну, простите все это безумие, или все эти глупости. Я же Вам говорил, что я глуп. Аполлон слишком умен, а мы с Дионисом всегда были глуповаты. И не только этого не стыдимся (так же как нашей «некорректности» — хотя и мы корректны, только *по-другому*), но даже этому радуемся.

А все-таки я Вас жду.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Датируется по содержанию.

<sup>2</sup> Выставка русских портретов, организованная С. П. Дягилевым, открылась 8 марта 1905 г. в залах Таврического дворца. По словам рецензента, «цель выставки — историко-художественная: воскресить историю русского портрета преимущественно в живописных изображениях русских исторических лиц» (Новое время. 1905. 5 (18) марта. № 10416. С. 4). Можно предполагать, что Мережковского более всего интересовали залы Александра I и Павла I (как раз в то время он собирал материалы об этой эпохе, задумав новую трилогию под общим названием «Царство Зверья»). Тот же рецензент особо отметил портреты



Павла «в юношеском возрасте в генерал-адмиральской форме, и такой же — в лейб-кирасирском мундире».

- <sup>3</sup> Идея «дионисийского», экстатического (наряду с «аполлиническим») начала в жизни, противостоящего року, смерти, обыденности, всесторонне развивалась Ф. Ницше (особенно в «Рождении трагедии из духа музыки»), влияние которого испытал на себе Мережковский (см.: *Коренева М. Ю. Д. С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание)*//На рубеже XIX и XX веков. Л., 1991. С. 44—76). На рубеже столетий религиозно-философская проблематика, связанная с мифами о Дионисе (главным образом в интерпретации Ницше), получила довольно широкое распространение и обсуждение. Ср.: *Волынский А.* Аполлон и Дионис (Северный вестник. 1896. № 11); *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис (Весы. 1904. № 5); *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога (Новый путь. 1904, № 1—3, 5, 7; Вопросы жизни. 1905. № 6, 7 — под загл. «Религия Диониса. Ее происхождение и влияние») и др.
- <sup>4</sup> Здесь В. Розанов подразумевается как защитник брачных уз, семейных устоев, ветхозаветных представлений.

#### 4

*Четверг <7 или 14 апреля 1905 г.><sup>1</sup>*

Скоро я уезжаю. Сегодня вечером в «В(опросах) Ж(изни)»<sup>2</sup> мы увидимся, может быть, в последний раз. И в последний раз прошу: назначьте мне свидание — у Вас, у меня, в Летнем саду (там теперь прелестно — весна Боттичелли<sup>3</sup>), на выставке, в театре, в кружке Полонского<sup>4</sup> (завтра, в пятницу) — где угодно, только бы видеть Вас и переговорить с Вами наедине. Нельзя обвинять, не выслушав. Выслушайте же меня.<sup>5</sup> Не будьте упрямой. Будьте прежней умной, милой, простой и веселой «девочкой», какой Вы навсегда и несмотря ни на что останетесь в моем воспоминании. Неужели же Вы не видите — это, только это Ваша правда, а все остальное ложь.

Обещаю Вам: если Вы захотите, это свидание будет последним, и *никто никогда не узнает о нем*. Я чувствую, что Вы сами хотите видеть меня, — по крайней мере, иногда хотите. Зачем же Вы противитесь своему желанию? Кому от [этого мо(жет)] нашей мимолетной встречи может быть вред?

Будьте свободною — [Вы] такой, какой Вы созданы...

Если же Вы и на это письмо не ответите, значит, действительно, игре и не-игре — всему между нами конец.

[Надеюсь] Но еще надеюсь, — до свидания!

Д. М(ережковский)

- <sup>1</sup> Датируется по содержанию. Письмо написано незадолго до отъезда Мережковского в Крым, дату которого (вторник 19 апреля 1905 г.) он указал в письме от 18 апреля 1905 г.
- <sup>2</sup> Редакция журнала «Вопросы жизни» находилась в то время в Саперном переулке (д. 10, кв. 6).
- <sup>3</sup> Картина Сандро Боттичелли (1445—1510) на аллегорическую тему «Весна» (ок. 1477—1478) — одно из наиболее известных его полотен.
- <sup>4</sup> Мережковские нередко посещали «пятницы» Я. П. Полонского в 1890-е годы. После его смерти (в 1898 г.) решено было сохранить традиции «пятничных» собраний. По инициативе жены поэта, Ж. А. Полонской, в 1900 г. был создан Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского, члены которого устраивали еженедельные собрания.
- <sup>5</sup> Очевидно, в тот момент между Мережковским и Вилькиной произошли какие-то серьезные разногласия, грозившие разрывом. В недатированной записке, также, судя по всему, относящейся к апрелю 1905 г., Мережковский писал: «Конец уродливый и глупый, недостойный даже той легкой игры, которая была между нами. Письмами ничего не объяснишь. Прошу Вас, назначьте день и час, когда бы я мог видеть Вас, чтобы переговорить обо всем лично» (Л. 123).

## 5

18 апреля 1905

Уезжаю завтра вечером в Москву, оттуда в Крым и, может быть, в Константинополь, Смирну и Эфес.<sup>1</sup>

Хотел бы зайти к Вам завтра, во вторник, в Ваши *приемные часы* вместе со всеми, в качестве обыкновенного гостя. Но боюсь, что это будет Вам неприятно. Во всяком случае, без Вашего позволения не приду.

Если бы Вы знали, как Вы были ко мне несправедливы и с какой легкомысленной грубостью Вы оттолкнули меня!.. Вы просто не заметили, что я отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого Вы не любите.<sup>2</sup> Великая не-красота была в Вашей грубости, и если наши отношения этим и кончатся, то, значит, их вовсе не было...<sup>3</sup> Но я еще надеюсь, что они этим не кончатся.

Хотите, я Вам буду писать? Но, разумеется, с тем условием, что Вы мне будете отвечать и верить, что письма Ваши никто [чужой] читать не будет кроме меня; я также должен знать, что мои письма никто никогда не прочтет кроме Вас.

Мой адрес до 7 мая: Ялта. Почт(овое) отд(еление). До востребования.

От души желаю Вам всего хорошего!

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> З. Н. Гиппиус в мемуарах писала: «А весной (<...>) мы поехали втроем в Крым, который так неизменно любил Д(митрий) С(ергеевич), и про-

жили там несколько недель. Потом Ф<илософов> уехал в Петербург, но Д<митрий> С<ергеевич> не хотел туда возвращаться: у него явилось желание отправиться из Севастополя — в Константинополь, и лишь оттуда, через Одессу, ехать домой...» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. С. 134). Мережковский свидетельствовал, что поехал в Константинополь (он называл этот город «местом первого соприкосновения Запада и Востока») с желанием увидеть «храм Бога живого и прекраснейшее из всех зданий, построенных людьми и донные уцелевших (. . .) — храм св. Софии, Премудрости Божией» (очерк «Св. София»//*Мережковский Д. С. Грядущий Хам*. С. 147). В статье «Последний святой» он позднее писал об этом соборе: «Если бы в христианстве не было чаяния Церкви Вселенской, то не раскинулся бы подобный своду небесному свод константинопольской св. Софии — первое видение грядущей вселенской соборности» (*Мережковский Д. С. Не мир, но меч*. СПб., 1908. С. 191). В Смирне (Измире) Мережковского могла привлекать находившаяся там «евангелическая школа» греческого ученого общества с ее библиотекой и музеем малоазиатских древностей. Эфес (Ефес) славился некогда своим храмом Артемиды, причисленным к семи чудесам света. Кроме того, это, по преданию, — место пребывания Богоматери в последние годы ее жизни. В 431 г. здесь состоялся Третий вселенский собор.

<sup>2</sup> Имеется в виду З. Н. Гиппиус.

<sup>3</sup> Сохранился черновик ответного письма Л. Н. Вилькиной, написанного сразу же по получении данного письма Мережковского: «Мне не хочется ни укорять вас перед отъездом, ни возражать против вашего упрека в не-красоте. Я действовала, подчиняясь инстинктивному чувству, которому привыкла верить. Вы конечно отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого я (будто) не люблю. В сущности, я очень мало знаю и вас, и этого человека. Но вокруг наших отношений была создана атмосфера, кот<орая> мне казалась некрасивой. Вот где скрывается не-красота нашего разрыва, над которой я бессильна.

Искренно говоря, я не особенно виню З<инаиду> Н<иколаевну> за ее склонность уродовать человеческие образы и отношения. Я лично вижу жизнь сквозь кристалл доверия и несуществующего совершенства. Но демонизм, даже мелкий, я понимаю. Он как-то освобождает нас от людей и судьбы.

Завтра «вторника» не будет. Я и Н<иколай> М<аксимович> будем рады вас видеть перед отъездом. Удобнее всего от 1 до 3. Людмила» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 796, л. 4).

О сложном, по большей части неприязненном, отношении Л. Н. Вилькиной к З. Н. Гиппиус свидетельствует ее письмо к Мережковскому, написанное в июне 1905 г.: «Дмитрий Сергеевич. Мне Николай Максимович передал все, что З<инаида> Н<иколаевна> вчера сказала ему будто бы с ваших слов о наших отношениях. Я уверена, что вы не способны на ложь, и что все то грязное, обидное и уродливое, что З<инаида> Н<иколаевна> говорила, родилось в ее же голове. Знаю, что З<инаида> Н<иколаевна> клеветала (не только Н<иколай> М<аксимовичу>, но и другим нашим общим знакомым, намеки которых стали для меня теперь понятны) с единственной целью нас поссорить. И этой цели она, кажется, достигла. Впрочем, грязь всегда достигает своей цели, так как не пачкать она не может. Хотя вы — не она и не отвечаете за чужую ложь, но не хочу я быть знакомой с человеком, зная, что его ближайший друг, оставаясь его другом, превращает всякое мое слово и жест в уродство. Не могу вам передать всю глубину отвращения, которое мне внушает эта вечно клеветущая, вечно ссорящая, вечно злословящая женщина. Пока вы находитесь поблизости от этого источника вражды и злословия — я вашей близости буду избе-

гать. Л. Вилькина» (Там же. Л. 6—7). Возможно, о получении именно этого письма, огорчившего его, Мережковский писал Л. Н. Вилькиной 24 июня 1905 г.

6

26/IV — <19>05. Севастополь

Итак, я для Вас только «чудовище»? Не могу совсем верить в это. Но пусть даже так. Во всяком чудовище есть чудо, есть чудесное!

Может быть, Вы полюбите во мне чудо, т(о) е(сть) могли бы полюбить. Потому что я отлично знаю, что между нами не было, нет и никогда не будет любви, но есть *возможность любви*; не прекраснее ли возможность любви, чем сама любовь? — вот вопрос — по крайней мере, не прекраснее ли она той существующей любви, которую доньше знают люди.<sup>1</sup>

Все люди вообще разделяются на два рода: на тех, которые [хотят] умеют любить, не желая быть любимыми, и на тех, которые хотят быть любимыми, не умея любить. Вы принадлежите ко второму роду, я — к первому. Я знаю, что хотя Вы никогда меня не полюбите, но Вам хочется, чтобы я Вас любил. У меня нет любви, но я могу Вам дать вечную возможность любви. Это не солнечный, а лунный свет. Но разве иногда лунный свет не лучше солнечного?<sup>2</sup>

Вчера я был на мысе Фиолент, где в древности был храм Дианы Таврической<sup>3</sup> — и где обитала жрица ее Ифигения.<sup>4</sup> Глядя на море, страшное и великолепное, «многосмеющееся» (слово Эсхила<sup>5</sup>) — темное небо — вспоминал о Вас.

Прочел Ваш сонет «Влюбленность» в Сев(ерных) Цветах.<sup>6</sup> Он мне нравится, в самом деле, нравится. Я никогда не лщу, никогда не лгу. В этом одна из моих «чудовищностей». Особенно нравится мне стих: «Для тщетных ласк и чистых обнажений».<sup>7</sup> В этом стихе есть Ваша прелесть, именно Ваша и более ничья. И никто в мире так не может чувствоваться этой Вашей прелестью, как я...

Бэла, разве Вы не чувствуете силы моего колдовства через тысячи верст, которые нас разделяют? Разве Вы не слышите, что я с Вами, еще ближе к Вам, чем когда [обнимаю] обнимал бы Вас.

Разве и Вы не хотите быть со мною — «для тщетных ласк и чистых обнажений»?..

Что Розанов? Очень о нем беспокоюсь. Люблю его, как родного.<sup>8</sup> Не обижайте его!

Напишите мне: *Ялта. Почтов(ое) отдел(ение). До востребования.*

Ну, до свидания. Иду греть свои зеленые чешуи на солнце.

Д. М(ережковский)

- <sup>1</sup> Здесь Мережковский, по существу, близок в выражении именно той невоплощенной любви, о которой Л. Н. Вилькина писала в своих сонетах. Ср.: «Быть может не любовь — одно стремленье//Моя любовь к тебе, далекий друг» («Не любовь» — Мой сад. С. 44); «Страшит меня довольство обладанья//И достиженья мертвенный покой» («Обладанье» — там же. С. 46); «Покуда ты любовь свою таил,//Я верила — ей нет предела в мире» («Слова»; там же. С. 49). Противопоставление «возможного» (невоплощенного) и реального нередко в поэзии символистов. Ср. в стих. И. Коневского «В небывалое» (1900), которое могло быть известно Мережковскому: «Возможность берегу, в возможность убегу я...»
- <sup>2</sup> Ср. в «Женском сонете» Л. Н. Вилькиной: «И я люблю обман, как свет луны...» (Мой сад. С. 55). Видимо, эту же метафору использовала З. Н. Гиппиус в названии своего очерка об А. Блоке: «Мой лунный друг» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Вып. 1. Прага, 1925). В несколько ином значении употреблял ее В. В. Розанов, называя «людьми лунного света» религиозных аскетов. Как заметил В. Н. Ильин, «этот символический образ (...) связан с устремленностью вдаль, с жадной необыкновенного, неизведанного...» (*Ильин В. Н.* Арфа Царя Давида в русской поэзии. Брюссель, 1960. С. 7).
- <sup>3</sup> По преданию, на мысе Фиолент в Крыму находился храм богини Дианы (Девы Таврополийской) — Парфенион; в нем тавры приносили в жертву своей богине чужестранцев, потерпевших крушение у берегов Трахейского полуострова.
- <sup>4</sup> Согласно греческой мифологии, Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, была спасена от смерти богиней Артемидой (в римск. миф. — Диана), которая перенесла ее в Тавриду и сделала жрицей в своем храме.
- <sup>5</sup> Мережковский перевел трагедию Эсхила «Скованный Прометей».
- <sup>6</sup> Стихотворение «Влюбленность» опубликовано в составе цикла «Пять сонетов» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV. СПб., 1905. С. 60).
- <sup>7</sup> Мережковский не совсем точно цитирует строчку из сонета «Обладанье», второго в цикле; у Вилькиной:

О, приходи для неземных сближений,

Для тщетных ласк, для чистых обнажений (Там же. С. 61).

- <sup>8</sup> Считая В. В. Розанова гениальным писателем и отмечая «личное неизменно-дружеское отношение» к нему, Мережковский подчеркивал, что их близость — это «близость сходящихся противоположных крайностей», что в сфере религиозных идей у них имеются принципиальные расхождения (см.: *Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. С. 167). В статье «Революция и религия» он писал о В. Розанове: «Друзьям церкви он кажется отступником, врагам ее — изувером, а большинству равнодушному — просто юродивым. Единственные люди в России, которые поняли и приняли его как великого, может быть, величайшего из современных русских писателей, — так называемые „декаденты“» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 98). В. Розанов позднее так характеризовал свои неоднозначные отношения с Мережковским: «Перипетии отношений моих к М(ережковскому) — целая „история“, притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно почему) он меня постоянно любил, и когда я делал „невозможные“ свинства против него в печати, до последней степени оскорбляющие (были причины), — которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых я никому бы не

*простил от себя*, он продолжал удивительным образом любить меня» (Розанов В. Опавшие листья. СПб., 1913. С. 275). В другом месте книги он, касаясь Мережковского, свидетельствовал: «Мало от кого я видел долгие годы непонятную (для меня) дружбу, которая, казалось, даже имела характер любви» (Там же. С. 473—474).

7

Ялта. 1 мая 1905

Мне грустно, что я не получил от Вас ни одной строчки. А я думаю о Вас так часто. Простые детские мысли, которые бы Вам понравились, но написать их невозможно. Здесь чудесно: земля, небо и море — одна воплощенная влюбленность — в кого — в Кого — неизвестно. Кипарисы такие нежные и стройные, что их хочется обнимать. Запах распускающихся лоз, в котором есть уже запах вина, — душа юного Диониса,<sup>1</sup> — смешан с крепким и соленым пронзительным запахом моря. Вы любите запахи? Я знаю, что любите. Мне хотелось бы вместе с Вами вдыхать теплый солнечный аромат чайной розы, так чтобы наши губы сближены были почти поцелуем в этом благоухании.<sup>2</sup>

Но как ни хорошо здесь, вспоминаю, как Вы сидели, белая, на корточках перед розовым пламенем камина. Вспоминаю Ваши чуждые милые смеющиеся глаза. Зачем я их не поцеловал на прощание? О, <Б>эла, позвольте их поцеловать хоть отсюда, из-за тысячи верст. Кажется, поцелуй будет достаточно невинный.

Мы уедем через неделю в Константинополь. Но пишите сюда в Ялту до востребования. Я велю переслать письма.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> В ответном письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина, рассказывая о собрании литераторов в редакции журнала «Вопросы жизни», где выступил с рефератом Ф. Ф. Зелинский (см. об этом в примеч. 2 к следующему письму), в частности, заметила: «...если бы вы были среди собравшихся — событие стало бы ярче и прекраснее. При вас, может быть, к нам сошла бы «душа молодого Диониса», которую вы чувствовали в запахе распускающихся роз» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 803).

<sup>2</sup> См. в примеч. 6 к следующему письму текст чернового письма Л. Н. Вилькиной, служившего отчасти ответом и на данное послание Мережковского.

8

$\frac{11}{V}$  <19>05 Ялта

Обрадовался Вашему письму, но огорчился, что Вы пишете о всяких важных пустяках — о политике, о полицей-

ских, о Зелинском,<sup>1</sup> об Елене Прекрасной,<sup>2</sup> а не о главном, единственном, что мне хотелось бы узнать от Вас: могу ли я когда-нибудь сделаться Вам ближе, чем я теперь, можете ли Вы меня полюбить хоть чуточку. Зачем мне это? Значит, надо, если я хочу. Я чувствую, что мог бы сделаться «неосторожным» и даже, пожалуй, «беззащитным».<sup>3</sup> Но для этого нужно, чтобы Вы мне поверили, — вернее, чтобы Вы поверили в меня, в мое существование, поверили, что я *есмь*. А до сих пор Вы в это не верите. Вы как-то писали мне, что меня совсем не знаете. Почему же Вы не хотите узнать меня? Неужели же я так мало любопытен, даже помимо моего отношения к Вам, просто как человек, ну, хотя бы просто как писатель? Поймите же, я хочу, чтобы Вы *увидели* меня, а для этого нужно посмотреть на меня. Вы же до сих пор смотрели мимо меня, *сквозь меня* — на другое, что за мною. Я для Вас — пустое место. Это грустно, это даже унижительно. И неужели это будет так всегда? И если я продолжаю приставать к Вам, значит, я смотрю на Вас серьезно. И это ли еще не «беззащитность» — чувствовать, что не существуешь для человека, и все же приставать к нему? Положим, мне иногда нравится, что Вы меня не любите и не можете полюбить, но Вы меня уж *слишком не любите* — до того, что Вам со мною скучно, и нечего сказать мне, и, так как Вы все-таки не хотите быть невежливы, то, отвечая на мое письмо, в высшей степени не политическое, Вы пишете мне о политике!..

Первый признак, что Вы не верите в мое существование, — то, что Вы стали искать доказательств, чтобы поверить. Что-то внешнее могло заставить Вас не верить [мне]. Вы ищете знамений. И знаменья Вам не дадутся, пока Вы будете их искать. Не [знаменья от] вера от знамений, а знаменья от веры. Не вера от чудес, а чудеса от веры — и может быть величайшее из всех чудес, которое — пока Вы не верите — мне и называть не хочется...

Через три дня едем <в> Константинополь. Напишите туда. Вернусь в Петербург 1 июня или немного позже. Будете ли Вы там? Можно ли к Вам прийти?<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик, профессор С.-Петербургского университета.

<sup>2</sup> В письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина сообщала Мережковскому: «Здесь последние дни были полны событий, и все живо чувствовали ваше отсутствие. Вчера вечером Зелинский читал в редакции „Вопросов Жизни“ реферат „Соперница христианства Елена Прекрасная“ (мне реферат показался не по-русски красноречивым и скучным). В половину первого, в самом разгаре прений, в редакцию ворвалась полиция с городскими и понятыми. Бердяев и Чулков, вспомнив свое славное прошлое, набросились на полицейских с бранью и стали их гнать из

квартиры. Бедный Зелинский, на которого молодежь смотрела с ожиданием, растерял все свое красноречие и молчал та(к), как будто он никогда не слышал о существовании Цицерона. Впрочем, история кончилась ничем» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 803). Ф. Ф. Зелинский в своем реферате утверждал, что героиня мифов о Троянской войне Елена Прекрасная, олицетворение всепобеждающей женской красоты, являлась одним из воплощений борьбы языческих религий Запада с христианством, что образ ее играл определенную роль в процессе «эллинизации христианства» (см.: *Зелинский Ф.* Из жизни идей. Т. 3. Соперники христианства. СПб., 1907. С. 153—185).

<sup>3</sup> В начале того же письма от 7 мая Вилькина писала: «Я рада вашим ласковым письмам. Письмо человека как будто больше его слова. В особенности письмо, полученное издалека, обвеянное магией пространства. Но как вы осторожны! Как боитесь, что я поверю в вашу любовь! Как вы защищаете себя! Не кажется ли вам, что в любви „блаженны беззащитные“, ибо они возбуждают взаимность и сочувствие».

<sup>4</sup> Сохранился черновик письма Л. Н. Вилькиной (возможно, не отосланного), являвшегося ответом на данное письмо Мережковского. В нем она в завуалированной форме, но достаточно ясно и откровенно, высказывала свое отношение к Мережковскому в тот период их «дружбы»: «Вы мне кажетесь беседкой, стоящей на вершине горы. Кто достигнет этой вершины, перед тем откроется беспредельный вид на землю и море. Над ней склонились широкошумные деревья (?), даря прохладу и тень, кругом растут райские цветы, но беседка выкрашена едкою, несмываемой ядовитой краской, и к ней прибита надпись: *prenez garde á la peinture* (осторожно! окрашено! (фр.)). Д(митрий) С(ергеевич)! Я люблю далекие горизонты и умею их созерцать, я люблю прохладу и тень и знаю толк в аромате цветов. Но я дорожу чистотой своей белой одежды и никогда, никогда не приближусь к беседке, выкрашенной в едкую, несмываемую ядовитую краску. Слишком белы мои одежды и слишком я люблю их белизну. Пишите мне, я рада письмам. Я, может быть, остаюсь в П(етербурге) все лето. Ваша Людмила» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 796, л. 1—1 об.). На другом листе — фрагмент, относящийся к этому письму: «Ваш упрек или ваша жалоба на то, что я вас не вижу как человека и писателя, не достойны ни меня, ни вас. С тех пор как я впервое на вас взглянула, я вижу вас. А как писателю я вам обязана многим, что считаю среди сокровищ души. Говорю вам это, хотя знаю, что такие слова странно звучат. И тем не менее...» (Там же. Л. 2).

## 9

⟨8 июня (н. ст.) 1905⟩<sup>1</sup>

От Вас ни строки. Значит, совсем забыли. А я помню Вас. Бидел здесь очень странные вещи — ревуших и пляшущих дервишей. Похоже на хлыстов.<sup>2</sup> Входил в мечети, сняв сапоги, и стоял подолгу среди молящихся. Теперь я на маленьком островке среди Мраморного моря между Европой и Азией.<sup>3</sup> — Часто думаю о Вас. Неужели не настанет миг, когда Вы взглянете наконец в мою сторону и увидите меня?



Вернусь к 3—5 июня. Не знаю, застану ли Вас и можно ли прийти к Вам. Разве Вы иногда не чувствуете, что я ближе Вам, чем Вы думаете? Зачем Вы меня отталкиваете?

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Текст — на почтовой открытке. Датируется по почтовому штемпелю.

<sup>2</sup> Эти впечатления Мережковского отразились в статье «Св. София»: «Любопытно взглянуть на „дервишей пляшущих“ — вертящихся в белых балахонах (совсем наши хлысты), и на „дервишей ревущих“ (подлинный экстаз, религиозное иступление)» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 149).

<sup>3</sup> Ср. в воспоминаниях З. Н. Гиппиус: «Д(митрий) С(ергеевич) не утомился нашим двухнедельным пребыванием в Константинополе. Мы еще поехали на Принцезы острова, где тоже пробыли несколько времени...» (Мережковская-Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. С. 135).

10

⟨18 июня 1905<sup>1</sup>⟩

⟨...⟩ Зачем Вы меня все время отталкиваете, зачем не верите мне, не видите меня, не хотите увидеть. Я не умею говорить, но надо понимать без слов. Я страшно стыдлив, неимоверно робок, до глупого застенчив. И от этого происходит то, что Вам кажется моею неискренностью. О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить.<sup>2</sup> Но Вы должны угадывать. Вы должны идти ко мне навстречу, Вы должны ловить меня. А Вы убегаете.

Зачем Вы мне нужны? Потому что я почувствовал Вашу самую тайную, бесконечно стыдливую и робкую, и дикую, как у меня, ⟨душу?⟩ и детскую, невинную прелесть. Прелесть Ваша в том, что Вы любите радость и умеете быть радостной, наперекор жизни. Вы любите всех, Вы влюблены во всех — и в меня, как во всех, могли бы быть влюбленною, а мне больше ничего не надо. И Вы умеете желать беспредельным желанием, никогда не доходя до конца желаний, где всегда измена тому, чего желаешь.<sup>3</sup> Вы умеете пить вино поцелуев, опьяняясь и все-таки оставаясь трезвою в опьянении... Но нельзя, нельзя об этом говорить и еще меньше писать...

Ну хоть в одно поверьте: я хочу быть с Вами вне жизни, хочу совершенной тайны наших свиданий.<sup>4</sup> Хотел бы, чтобы мы видались — во сне, как во сне я почувствовал в первый раз Вашу прелесть. Думаю, что если Вы поверите мне, то мы достигнем этой тайны, хотя это очень трудно, для меня еще труднее, чем для Вас.

Не знаю, удастся ли мне увидеть Вас еще раз до Вашего отъезда, потому что я не хочу видиться с Вами иначе как в совершенной тайне, так, чтобы об этом никто никогда не мог узнать и даже подозревать не мог. Уходить от жизни трудно. Но мне кажется, что рано или поздно мы свидимся так, как оба этого желаем. И Вы, наконец, увидите меня и *вспомните* и опять будет то, чего не было. Напишите сюда.

Д. М(ережковский)

Варшавск(ая) ж(елезная) д(орога). Суйда. Имение Марковичей. Малое Кобринно.

- <sup>1</sup> Датируется по почтовому штемпелю. Начало письма отсутствует, верхняя часть начального листа оторвана.
- <sup>2</sup> З. Н. Гиппиус свидетельствовала: «Он был не то что „скрытен“, но как-то естественно закрыт в себе, и даже для меня то, что лежало у него на большой глубине, приоткрывалось лишь в редкие моменты» (Дмитрий Мережковский. С. 115). Ср. в стихотворении Мережковского «Молчание»:

Как часто выразить любовь мою хочу,  
Но ничего сказать я не умею,  
Я только радуюсь, страдаю и молчу:  
Как будто стыдно мне — я говорить не смею

(Мережковский Д. С. Собрание стихов.  
1883—1910. СПб., 1910. С. 15)

- <sup>3</sup> Ср. в сонетах Л. Н. Вилькиной: «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» — Мой сад. С. 44); «Ужасней, чем забвенья мрак пустой, // Час дерзко уголенного желанья» («Обладанье» — там же. С. 46).
- <sup>4</sup> Ср. сходные мотивы в стихах Вилькиной: «Я не любви ищу, но легкой тайны. <...> Моей любви приюта в жизни нет...» («Освобождение» — Мой сад. С. 52); «Но правда страсти в тайне. Страсти нет, // Где взор чужой, печальный иль пытливый» («Женский сонет» — там же. С. 54) и т. п.

## 11

Пятница <24 июня 1905<sup>1</sup>>  
Малое Кобринно

Получил Ваше письмо и не то что понял умом, а как-то вдруг, точно наитием, почувствовал, поверил, что Вы действительно мне никогда не поверите. Вы заразили меня Вашим неверием. Вы не верите в меня, в мое существование, а я перестаю верить в Вас. Это неверие Ваше не то что удаляет Вас от меня, а как будто уничтожает, сводит к небытию. Мне даже не грустно, не жалко, [а просто] — мне все равно — опять просто «скучно». <sup>2</sup> Воспоминание о Вас стало как

воспоминание о том, что видел во сне. *Кто-то хотел быть Вами*, но не был, потому ли что недостаточно хотел или не смог — не знаю, но, во всяком случае, *не был и уже никогда не будет*.<sup>3</sup> Это весьма отвлеченно и весьма реально. Думаю, впрочем, что Вы едва ли поймете всю *метафизическую прочность* этого случая...

Ну, будьте счастливы и не поминайте лихом. От души желаю Вам всего хорошего. Это не фраза: дружеское чувство к Вам у меня навсегда останется.

В понедельник буду в Петербурге, но к Вам, конечно, не приду. Теперь незачем.<sup>4</sup>

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Датируется по почтовому штемпелю. Это письмо, вероятно, явилось ответом на июньское послание Л. Н. Вилькиной, текст которого приведен в примеч. 3 к письму Мережковского от 18 апреля.

<sup>2</sup> Мотив неистребимой жизненной «скуки», не раз возникающий в письмах, характерен и для лирики Мережковского. Ср. в стихотворении «Скука»: «Страшней, чем горе, эта скука» (*Мережковский Д. С. Собрание стихов*. СПб., 1910. С. 28). Ср. также в стихотворении «Так жизнь ничтожеством страшна...»:

Так жизнь ничтожеством страшна,  
И даже не борьбой, не мукой,  
А только бесконечной скукой  
И тихим ужасом полна...

(Там же. С. 64)

Очевидно, что любовь, по Мережковскому, — одно из средств преодоления мертвящей скуки будней.

<sup>3</sup> Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «Противоречие»: «Я — то, что быть должно и не сбылось» (Мой сад. С. 19).

<sup>4</sup> 22 июня, в среду, Мережковский послал Вилькиной короткое письмо, в котором сообщал: «Приеду в понедельник 27 июня, нарочно чтобы видеть Вас. Если позволите, зайду к Вам вечером в 9 ч(асов), или немного позже. Ответьте сюда сейчас, чтобы я успел получить письмо» (Л. 28).

Спасибо за милое письмо. В нем как будто промелькнула тень прежней Бэлы — той, которой Вы не захотели быть. И мне опять стало грустно и жалко этой [милой] тени. Зачем Вы не поверили в меня? Зачем сделали так, что и я уже почти не могу верить в Вас?

А все-таки спасибо за эту хотя бы неверную ласку. По-итальянски «ti voglio bene» значит «я тебя люблю» — «я тебе

желаю добра». Не знаю, люблю ли я Вас, но я хотел бы сделать Вам что-нибудь доброе, сделать так, чтобы Вам хоть одну минуту было от меня светло и радостно. Но я не могу ничего сделать для Вас, не могу даже ничего сказать, потому что Вы ничему не поверите.

Зачем Вы не написали мне раньше? Я ждал в Петербурге два дня, что Вы мне напишете.<sup>1</sup> Я [теперь] пришел бы протиться. А теперь мы так и не увидимся.

Кто смеет молвить: до свиданья,  
Чрез бездну двух или трех дней?<sup>2</sup>

Напишите из-за границы. Когда возвращаетесь? Я люблю Ваши письма. А Вы мои любите? Любите хоть письма.

Я поцеловал бы милую тень легким как тень поцелуем, если бы знал, что он будет принят.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Можно предположить, что именно тогда, приехав на короткий срок из Кобрин в Петербург, Мережковский послал Вилькиной записку следующего содержания: «Среда <29 июня>. Литейная, 24. Я на один день приехал в Петербург. Хотелось бы Вас повидать, хотя чувствую, что Вы меня совсем забыли... Всего удобнее мне было бы зайти к Вам завтра в четверг в 10 ч(асов) вечера. Если можно, черкните два слова в ответ. Д. Мережковский» (Л. 153).

<sup>2</sup> Из стихотворения Ф. Тютчева «Увы, что нашего незнанья...» (1854).

### 13

$\frac{15}{VII}$  <19>05. Кобрино

Но теперь я не верю, что Вы мне верите.<sup>1</sup> Вы так далеко. И уходите все дальше и дальше. Голос Ваш почти не достигает до меня. Почти не вижу Вас и не узнаю прежнюю в этой бледной, бледной, исчезающей тени. Напишите из-за границы. М(ожет) б(ыть) расстояние приблизит Вас. Хотелось бы сказать что-нибудь ласковое на прощание, <но><sup>6</sup> чувствую, что все равно ничего не дойдет в такую даль.

Ну, будьте счастливы и вспоминайте иногда обо мне.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Мережковский, видимо, отвечал на письмо Л. Н. Вилькиной, посланное в Кобрино после 1 июля 1905 г.

<sup>6</sup> У Мережковского ошибочно написано: что

Воскресение <2 октября 1905 г.><sup>1</sup>

Я сегодня тоже болен — инфлуэнца. Если пройдет, то во вторник приду, а если нет, то назначим другой день. Мне очень хочется Вас видеть. Когда Вы больны, я чувствую к Вам тихую нежность. Я мог бы сидеть около Вас и ухаживать, как за маленькую девочкою. Мне кажется, в Вас больную я мог бы влюбиться скорее, чем в здоровую. Впрочем, знаю; это Вам, больной, так же ни к чему не нужно, как здоровой...<sup>2</sup> Если во вторник не приду, то извещу заранее.<sup>3</sup> Во всяком случае, до скорого свидания. За границу еду в конце октября.<sup>4</sup>

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Датируется по почтовому штемпелю.

<sup>2</sup> В недатированной записке, относящейся, по всей видимости, к тому же времени, Мережковский писал: «Бэла бедненькая! Что такое с Вами? Очень беспокоюсь о Вас. Если бы можно было, я бы пришел к Вам, больной, и исцелил бы Вас моею тихой нежностью» (Л. 147).

<sup>3</sup> Во вторник (4 октября) Мережковский извещал Вилькину: «Я еще не совсем здоров. Если позволите, приду в четверг или пятницу в 10 ч(асов) вечера» (Л. 132). Еще через день или два (6 либо 7 октября) он сообщил: «Инфлуэнца почти прошла. Приду в субботу в 10 ч(асов) в(ечера)» (Л. 139).

<sup>4</sup> Это намерение Мережковского не было осуществлено; сроки отъезда за границу переносились, по разным причинам, до конца февраля 1906 г.

$\frac{20}{X}$  <19>05

Получил Ваше письмо слишком поздно. Все-таки был у Вячеславов.<sup>1</sup> Там была отвратительная скука. Читали дурацкую повесть какого-то Каменского под заглавием «Четверо»,<sup>2</sup> и происходили еще более дурацкие прения. В такие дни — хамство русской интеллигенции непостижимо. Мне иногда кажется, что все мы провалимся так, что от русского просвещения ничего не останется.<sup>3</sup>

Очень хотелось видеть Вас. И теперь хочется. Когда мы вместе *одни* — между нами какая-то нежная уютность. И я чувствую, что Вы мне все больше верите или все меньше не верите. Но действительно скучно «продираться сквозь толпы».<sup>4</sup> Всюду казаки и хулиганы. На днях к нам даже в квартиру ворвались какие-то пьяные «киевские журналисты», требуя денег.

Третьего дня была минута радости («Самодержавие пало!»),<sup>5</sup> но потом опять все замутилось. А тогда недаром выглянуло солнце! Теперь опять слякоть и грязь — и кровь, черная, как грязь, холодная, как слякоть. Мне чудится, — чтобы дойти до Вас, надо переходить через лужи грязи и крови.

В продолжающейся забастовке есть что-то тупое, дикое и бездарное, главное, — бездарное.<sup>6</sup>

Но все же буду у Вас при первой возможности. Грустно только, что Вас так редко можно видеть одну. Теперь и внутри домов толпа. И сколько лишних разговоров. Если бы вся Россия дала обет трехдневного молчания — все бы выяснилось...<sup>7</sup>

Бэла, милая, как бы мне хотелось сейчас, сейчас быть с Вами и положить голову на Ваши колени! Вы это чувствуете?

Не выходите эти дни на улицы: каждую минуту могут произойти неожиданности.<sup>8</sup>

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Имеется в виду одно из собраний на «башне» у Вяч. Иванова (Таврическая ул., д. 25, кв. 24).

<sup>2</sup> Мережковский подразумевает рассказ Анатолия Каменского «Четыре», в котором повествуется о том, как герой его, поручик Нагурский, гедонист-циник „санинского“ типа, соблазнил в течение двух дней четырех молодых женщин (см.: *Каменский А.* Рассказы. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., [б. г.] С. 179—206). З. Н. Гиппиус писала, имея в виду и «среды» Вяч. Иванова: «Литературный эстетизм переживал тогда момент судороги, — революция, неудавшаяся, сказывалась. Оживление немножко сумасшедшее, напряженно-разнузданное... Частью оно потом выродилось в порнографию» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Прага, 1925. Вып. 1. С. 92). Критическое отношение Мережковских к собраниям у Вяч. Иванова могло быть обусловлено, в частности, пестрым, разнородным составом их участников. Ср. замечание З. Н. Гиппиус: «Новый эстетический круг этого писателя, поэта, ученого, горячего эллиниста, широкий, очень смешанный, казался нам — более всех прежних — смутно-беспорядочным» (*Гиппиус З.* Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904—1905 гг.) // Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 109; публ. Н. Богомолова).

<sup>3</sup> Свои мысли о сущности и предназначении русской интеллигенции Мережковский высказал в таких публицистических статьях этого периода, как «Грядущий Хам», «Чехов и Горький», «Мещанство и русская интеллигенция», «Страшный суд над русской интеллигенцией». При всем требовательно-критическом отношении к интеллигенции, Мережковский неизменно подчеркивал ее роль в прогрессивных преобразованиях, освобожденном движении, в духовном развитии нации.

<sup>4</sup> Ср. в воспоминаниях З. Н. Гиппиус: «Длиннейшие манифестации с флагами, с пением, с криками, мы наблюдали из открытых окон нашей квартиры, когда толпы двигались по широкому Литейному проспекту» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 140).

<sup>5</sup> Имеется в виду манифест 17 октября, провозглашавший ряд политических и гражданских свобод. Он вызвал кратковременное воодушевление

в среде интеллигенции. Ср. в письме Вяч. Иванова к В. Брюсову от 24 октября 1905 г.: «...не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, — тому что самый лозунг недавней борьбы — „долой самодержавие“ — отныне стал праздным» (Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 487). Несколько иначе восприняла это событие З. Н. Гиппиус: «Первые слова человека, пришедшего к нам со свеженьким манифестом: „Ну, все кончено. Все получено. Свободы. Парламент. Конституция“. Радости в голове — никакой» (Гиппиус З. Слова и люди. С. 109).

<sup>6</sup> З. Н. Гиппиус вспоминала: «В октябре разразилась, наконец, известная, первая в России, всеобщая забастовка. Погасло электричество, приостановились железные дороги. Помню мерцанье свечей у кого-то в квартире... Но в общем все наши «духовные» знакомства на это время оборвались, как будто их и не бывало никогда» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. С. 140).

<sup>7</sup> Есть все основания предполагать, что к тому же времени (вторая половина октября — начало ноября 1905 г.) относится недатированное письмо Мережковского, в котором он, в частности, писал: «Бэла, не сердитесь на меня. В эти дни трудно было выйти из дома, не сказав, куда идешь. А я не хотел ни лгать, ни говорить, что к Вам иду. И потом — Вас так трудно видеть одну: Вы окружены социал-демократическим вихрем, сквозь который к Вам не пробиться. Чем ближе я к Вам внутренно, тем для меня тягостнее эта внешняя суета. Так хотелось бы теперь молчанья, тишины, одиночества. А где их взять? Я бесконечно устал, болен от усталости. (<...> Уехать? — но как уехать, бежать в такую минуту?..» (Л. 133—133 об.).

<sup>8</sup> Отчасти впечатления, навеянные событиями осени 1905 г., отразились позднее в очерке Мережковского «Зимние радуги»: «Осенью 1905 года я как-то раз вечером шел по Невскому. Вдруг все электрические фонари потухли. Наступила темнота, словно черное небо обрушилось. Подростки-хулиганы засвистели пронзительно, и раздался звон разбитого стекла. По направлению от Аничкина моста к Литейной бежали черные толпы. Ковыляющая старушка-барыня со съехавшей набок шляпой закричала мне в лицо: „Не ходите, там стреляют!“ И мне, действительно, послышались или почувствовались выстрелы. Было страшно, как во сне» (Мережковский Д. Больная Россия. СПб., 1910. С. 4).

Вы получили мою карточку? Заходил к Вам вчера вечером и не застал.

У меня есть надежда, что суд над Н<иколаем> М<аксимовичем> не состоится.<sup>1</sup> Д. В. Философов был у своего брата — государств<енного> контролера<sup>2</sup> и настоятельно и, кажется, безуспешно советовал ему сделать все что возможно, чтобы предстоящий закон о печати<sup>3</sup> возымел действие амнистирующее на «преступления» Н<иколая> М<аксимовича>.

Разумеется, с уверенностью ничего нельзя сказать, но если суд отменят, то Вы этим будете обязаны Д<митрию>

Владимировичу). И мне в таком случае будет очень радостно, что я хоть чуточку своим влиянием на Д(митрия) Владимировича способствовал этому делу.

Но умоляю Вас, Бэла милая, будьте тверды, решительны и извлеките Н(иколая) М(аксимовича) как можно скорее из социаль-демократического<sup>4</sup> болота! «Гимн рабочих» меня огорчил: «из развалин, из пожарищ»<sup>5</sup> — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама.<sup>6</sup>

Ну, всего хорошего. Не забывайте Вашего друга.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Письмо свидетельствует об участии Мережковского в судьбе Н. М. Минского, попавшего в сложное положение: он был арестован, ему грозило судебное разбирательство по делу запрещенной властями большевистской газеты «Новая жизнь», официальным редактором которой он являлся. Суд не состоялся, поскольку Минский, выпущенный на свободу под залог, тут же уехал за границу. См. текст доклада министра юстиции Щегловитова Николаю II в связи с делом Минского в статье Б. С. Мейлаха «Символисты в 1905 году» (Лит. наследство. Т. 27—28. М., 1937. С. 192—195). См. также статью В. А. Максимовой о «Новой жизни» в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 4—23.

<sup>2</sup> З. Н. Гиппиус так объясняла подъем революционных настроений Минского: «И многих удивила поспешность, с какой Н. Минский (<...> кинулся прямо к социал-демократам (большевикам), стал даже подписывать газету Ленина. Но этот умный — более умный, нежели талантливый — стихотворец-философ (<...> страдал всю жизнь каким-то странным беспокойством: где ни почуется ему „последний крик времени“, туда, не разбирая, он и кинется» (*Gunnys* З. Слова и люди. С. 110). Минский, по свидетельству З. Н. Гиппиус, мотивировал свое сближение с социал-демократами тем, что хотел сделать «надстройку» над марксизмом из собственной «мэонической» религии (*Gunnys* З. Дмитрий Мережковский. С. 142). Интерпретируя позднее этот эпизод своей биографии, Минский, в частности, писал: «Союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое. Художники с наиболее утонченными нервами не могут не оказаться наиболее отзывчивыми на голос правды. Новаторы в области искусства не могут не стать рука об руку с преобразователями практической жизни. Что касается меня, то союз между практическим и теоретическим идеализмом всегда казался мне неизбежным. Для меня не было и нет сомнения, что, для того чтобы русская личность очнулась от оцепенения, в которое ее повергла наша ненормальная государственность, ей одинаково необходим как внешний простор политической свободы, так внутренний простор религиозной истины» (*Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 195).

<sup>3</sup> Двоюродный брат Д. В. Философова, Дмитрий Александрович Философов вскоре стал министром торговли и промышленности в кабинете П. А. Столыпина.

<sup>4</sup> 24 ноября 1905 г. были утверждены «временные правила», регламентирующие деятельность печатных органов.

<sup>5</sup> Такое написание слова (специально подчеркнутое Мережковским) подразумевало, вероятно, некий особый смысловой оттенок. Ср. в письме А. Блока к А. В. Гиппиусу от 9 ноября 1905 г., где он также выделил это слово: «Я — СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТ» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М. — Л., 1963. Т. 8. С. 141).



- <sup>5</sup> Мережковский цитирует слова из третьей строфы «Гимна рабочих» Н. Минского, опубликованного в «Новой жизни» (1905, № 12, 13 ноября): «Мир возникнет из развалин, из пожарниц...».
- <sup>6</sup> Обобщенный, символизированный образ Грядущего Хама возникает в одноименной статье Мережковского, написанной в 1905 г. «У этого Хама в России, — писал он, — три лица. Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины... <...> Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, <...> той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе». <...> Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» (*Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 37*).

Я уезжаю, потому что безмерно устал и потому что Вы все равно уже не здесь.

Вы не поверите, но я все-таки скажу Вам — может быть, когда-нибудь потом поверите, узнаете, что это правда: за эти последние дни, да и раньше, у меня были мгновения, когда я любил если не Вас, то что-то в Вас, кого-то за Вами. В темноте вспыхивала огненно-чистая точка. Почему она не разгоралась? Кто в этом виноват, я или Вы, не знаю. Может быть, это произошло оттого, что Ваша последняя сущность — «нет», — а моя [сущность] — «да»?<sup>1</sup> Твердо знаю одно, да это и Вы уже почти знаете: Вы ошибались, думая, что у меня нет страдания к Вам, что у меня все «игра». Если бы была только «игра», я бы сейчас не убегал от Вас. Главное страдание мое в том, что я не могу Вам сделать добра, не могу Вам дать ни капли счастья и света. Не сумел «расплавить» Вашего последнего «нет». Если бы сумел, то любил бы окончательно.

Но и теперь я Вас никогда не забуду. Никогда не забуду трепет Вашего сердца на голосах ночного ветра, который говорил свое вечное «нет», а сердце Ваше отвечало: «да». Но Вы сами не слышите, не знаете Вашего сердца, Вашего [последнего] «да». Может быть, когда-нибудь услышите — тогда вспомните и обо мне — не о словах моих, а о моих молчаниях, — с отрадою.

Если вернусь до отъезда, то зайду еще проститься с Вами. Хотя я ужасно не люблю прощаний и проводов: в них есть всегда что-то похожее на торжественность похоронную.

Напишите мне из Бельгии.<sup>2</sup> Может быть, встретимся за границей. Если нужно, то встретимся. Мой адрес в конце

марта: Nice. Post restante.<sup>в</sup> В начале мая буду, вероятно, в Париже.

Книгу стихов пришлите. Я напишу о ней.<sup>3</sup> Я рад, что хоть это маленькое могу сделать для Вас. И если будет очень грустно и одиноко, и холодно в жизни, в простой «житейской жизни», — напишите, — я Вам помогу, как сумею. Иногда в Вашем лице бывает выражение веселой, почти резвой девочки — брови подняты, и глазки Бэлы — «белочки» смеются каким-то удивленным смехом. Я ужасно люблю это выражение: в нем Ваше безмолвное, Вам самим не слышное «да».

Ну, простите, Бэла милая! Дай Вам Бог всего хорошего. Не забывайте меня, как я не забуду Вас.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> На языке Мережковского «последнее да» и «последнее нет» означали веру или неверие в любовь как нечто вечное, неуничтожимое, противостоящее тлену, смерти, возвышающее человека над «земной» жизнью. Так, в статье «Меч» он писал о борьбе «любви и смерти, последнего да, которое я хочу сказать себе и людям в сознании любви, и последнего нет, которое я должен сказать себе и людям в сознании смерти» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. СПб., 1908. С. 7).

<sup>2</sup> Л. Н. Вилькина в это время собиралась уезжать к мужу за границу.

<sup>3</sup> Речь идет о сборнике Л. Н. Вилькиной «Мой сад» (см. примеч. 7 к письму от 10/23 октября 1906 г.).

## 18

*11 ч(асов) утра 6 января 1906  
Финляндия. Иматра. Hotel Cascade*

Вот уже два дня Вы меня преследуете, как наваждение. Больше чем когда-либо верю в реальность демонического — о, не в Вас черт, да и не во мне, а где-то между нами — в невозможности Вам почувствовать меня и мне — Вас — до конца — до полного знания, которое и есть и полная радость, полная любовь.<sup>1</sup>

Нет, Вы меня никогда не забудете, Бэла. Никогда, Бэла, Бэла милая: я повторяю Ваше имя, Бэла, я его так люблю — в нем облачная нежность и холодная мягкая белая снежность.<sup>2</sup> Вы меня никогда не забудете — ведь Вы мне почти принадлежали и это почти может быть больше, чем совсем. У меня были ласки беспредельные, которым Вы не могли

---

<sup>в</sup> Ницца. До востребования (фр.).

противиться, не имели власти им противиться. И теперь, сейчас, Вы со мною, Вы почти моя.

Сегодня ночью я вдруг проснулся под шум водопада среди глубокой тишины, под гул водопада, похожий на голоса ночного ветра, древнего хаоса, и мне так безумно захотелось услышать трепет Вашего чуждого близкого сердца, что я едва не вскочил и не поехал к Вам. Это было бы торжество страсти, но падение воли, падение чего-то более глубокого, вечного во мне — и в Вас? — чем страсть. Я не хочу страсти, *только* страсти. И если я Вас не люблю, не люблю никогда, то мне оправдание в том, что я уже люблю любовь...<sup>3</sup> Но как я страдал от неимоверного, неистового желания. Зачем Вы не дали целовать Ваши ноги, Вашу грудь и последнюю тайну Вашего тела? Простите, Бэла милая... Вы видите, что мне не нужно было ехать к Вам и этого письма, может быть, не нужно было писать. Не посылать его Вам, разорвать?.. Но я не могу, не хочу, чтобы Вы не знали моего страдания — ведь оно все-таки Ваше — от Вас и к Вам. И если Вы его не поймете, если Вы его недостойны, — мне все равно — мое страдание вернется ко мне, не оскверненное, огненно-чистое, такое, какое оно есть.<sup>4</sup> Не я его дал себе, и я не виноват в нем. В эту минуту нет во мне никакой лжи. И если даже просто скучно станет от этих наивных детских, глупо-страстных, глупо-откровенных строк, простите — я Вам больше не буду писать. Да и что писать? Я достигаю предела, за которым уже нет слов, а есть только вечный шум водопада, ночного ветра, хаоса и тишина вечная. Простите.<sup>5</sup>

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Существенно, что «демонизм» здесь является как бы подоплекой того дрящегося любовного «невоплощения», которое чревато нарастанием чувственной страсти.

<sup>2</sup> Эти образы стали ключевыми в стихотворении Мережковского «Ослепительная снежность...», посвященном Л. Н. Вилькиной (см. примеч. 3 к письму от 10 января 1906 г.).

<sup>3</sup> Ср. в сонете Вилькиной «Слова»: «Люблю любовь, как робкий вздох цветов...» (Мой сад. С. 48). Ср. также в ее записной книжке: «О, как я люблю любовь! Одна любовь соперница красоте» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 778, л. 6).

<sup>4</sup> Мотив страдания в любви не раз возникает в стихах Вилькиной. Ср.: «Отрадны в жизни мне мои страданья» («Страдания» — Мой сад. С. 14); «Стремясь к любви душой, // Мы для любви любили бы страданья» («Обладанье» — там же. С. 46).

<sup>5</sup> В тот же день Мережковский послал вслед этому письму открытку, в которой писал: «Простите глупое письмо, которое послано сегодня утром. Хотя, если бы теперь я начал писать, то вышло, пожалуй, еще глупее. Получите ли это письмо в России, — не знаю, если получите, то ответьте. (<...> Очень грустно. Ну, счастливого пути!» (Л. 62 об.).

7/1 &lt;19&gt;06. Имата

Может быть это письмо Вы еще получите до отъезда.<sup>1</sup> Я здесь не вызд<о>рвел: теперь чувствую, что не надо было уезжать. Тяжело, Бэла милая. Всего тяжеле<е>, что Вам так легко, что Вы уже забыли меня совсем. Отсюда напишу завтра в Бельгию. Счастливого пути. Я все время с Тобой.

Д. М&lt;ережковский&gt;

<sup>1</sup> Вилькина получила это письмо до отъезда за границу.

8 января 1906 г.  
Имата<sup>1</sup>

Ну вот что, Бэла. Я внутренне *почти* решил ехать к Вам.<sup>2</sup> Это внешне сделать чрезвычайно трудно, и не только внешне. Но вот вопрос, на который Вы должны мне ответить так же правдиво и серьезно, как я спрашиваю Вас: хотите ли Вы, чтобы я к Вам приехал? Имейте в виду: я приеду *один*. Мне было бы важно, чтобы и Вы были *одна*, т<о> е<сть>, чтобы мы пробыли вместе то время, которое пробудем, — без Николая Максимовича. Это не ревность, а стыдливость — глупая, детская — но таков уж я уродился, — имея со мною дело, надо считаться с моею глупостью и детскостью.<sup>3</sup> Впрочем, это не условие, а только просьба, желание: если Вы это желание сможете исполнить, то мне будет легче. Если же нет, то, может быть, я преодолею и эту трудность, т<о> е<сть> приеду не к Вам одной, а к Вам обоим. Во всяком случае, мне нужно знать заранее, как Вы решите. В зависимости от Вашего — будет и мое решение.

Затем, вот еще что мне нужно знать: до каких пор Вы остаетесь в Бельгии? Безразлично ли Вам, — если Вы вообще решите ехать со мною, — поехать в Париж или на южный берег Франции? Впрочем, я еще не знаю, как мне будет удобнее, — может быть, я останусь там же, где и Вы теперь, или мы вместе с Вами переедем в соседний городок, или да́же я почувствую, что мне лучше не с Вами вдвоем, а только при *Вас*, и что присутствие Никол<ая> Макс<имо-вича> мне несколько не мешает. Мне сейчас нужна *свобода*:

решения, чтобы ничто *внешнее* не мешало и чтобы все шло изнутри.

Повторяю: я еще *не совсем* решил ехать к Вам. Это «не совсем» зависит не от житейского, а от *более важного* (ведь и у Вас есть это важное или Вы хотите его иметь). Между прочим, тут решается дело об основании нового журнала, в котором я принимаю близкое участие.<sup>4</sup>

Еще вопрос: если окажется, что мне ехать теперь нельзя, то хотите ли встретиться со мною в конце или середине марта в Ницце? Но так, чтобы эта встреча была *не случайною*, а заранее решенною. Впрочем, мне кажется, сейчас легче ехать к Вам, потому что в марте я уже буду наверное не один.

Если решу ехать, то выеду в начале [февраля] или в первой половине февраля.

*Отвечайте немедленно в Петербург* (Литейная, 24, кв. 10). И, пожалуйста, точнее, деловитее.

Получили ли письма, которые я писал Вам с Иматры в Петербург?

О «чувствах» не могу писать — слишком мучительно. Да и вообще я писать писем не умею.

Вы всегда со мною.

Д. Мережк(овский)

<sup>1</sup> Это письмо было послано вместе со следующим письмом от 10 января 1906 г.

<sup>2</sup> У Мережковского возникла мысль поехать на некоторый срок одному за границу, в Бельгию или во Францию, чтобы там встретиться с Вилькиной. Этот план живо занимал его во время пребывания на Иматре.

<sup>3</sup> О «детскости» Мережковский говорил неоднократно, считая ее одной из главных черт своего характера. Ср. его стихотворение «Детское сердце» (*Мережковский Д. С.* Собрание стихов. СПб., 1910. С. 69).

<sup>4</sup> Речь идет о попытках создания журнала под названием «Меч». Во втором номере журнала «Золотое руно» за 1906 г. сообщалось: «В Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал «Меч» при близком участии гг. Мережковского и Бердяева» (С. 120). «Ядро» редакции должны были составить Мережковские, Д. Философов, Н. Бердяев, С. Булгаков. Смысл названия журнала до некоторой степени проясняют заключительные строки из одноименной статьи Мережковского: «Христианская церковь (<...> всегда или уходила от мира, или, входя в него, теряла остроту свою, притупляла свой меч. Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врзается меч. *Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч*» (Мф., 10, 34). Церковь Грядущего Господа и есть этот меч» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 39). Замысел этот реализовать не удалось.

$\frac{10}{I}$  1906. *Иматра*

Вместе с этим письмом отправляю другое, написанное два дня тому назад,<sup>1</sup> но задержанное мною, потому что у меня тогда была «психопатия». Теперь я более трезв и спокоен; это, впрочем, не значит, что нет страсти (π᾿αλοῦς — значит по-гречески «страсть» и «страдание» — «болезнь», «аффект»), но я ею более владею, подчиняю себе. Но и спокойно и сдержанно предлагаю Вам тот же вопрос: хотите ли, чтобы я приехал к Вам в начале февраля в Бельгию? За эти два дня «почти решил» еще более склонилось к «совсем решил». Но, разумеется, может случиться внешнее и внутреннее, что от Вас, от Вашего желанья не зависит и что изменит мое решение. Главное препятствие — все та же «психопатия». Я не хочу ехать к Вам в грубом чувственном аффекте. *Только* стихийно, бессознательно. В том-то и беда всякой страсти, Эроса, что в нем, особенно теперь, при нашем декадентстве, в нем, в Эросе, есть Эротомания, «роза-низм» (от Розанова<sup>2</sup>). А я бесконечно люблю *здоровье*: оно мне кажется бесконечно прекрасным. Может быть, потому и люблю его так, что не имею. В эти два дня чувствовал себя больным, слабым, старым, *смешным* и беспомощным ребенком. Тут начинается мой «страх смешного» (ridicule<sup>г</sup>). Боюсь и Вам, когда приеду, показаться смешным и жалким и некрасивым — «*скучным*» — это хуже всего. Вы еще не знаете всего уродства моего и позора. И я не хочу, чтобы Вы увидели его. Не хочу причинять Вам этого ненужного страдания.

Склоняюсь я теперь и к тому, чтобы <быть> поближе к тому месту, где будет жить Ник<олай> Макс<имович> — для того, чтобы Вы могли сейчас вернуться к нему, если я Вам надоем, что, вероятно, случится скоро.

Посылаю Вам стихи, которые здесь написаны и которые Вам посвящены.<sup>3</sup> Они тоже старые, смешные и банальные. Но все-таки примите их. Если хотите, то пошлите их сами в «Весы» или в «Золотое руно». Вообще, сделайте с ними, что угодно: они Вам принадлежат. И посвящение напишите, как сами хотите: или Л. Н. Вилькиной или (что, по-моему, гораздо красивее) — «Бэле». <sup>4</sup> Имя Бэлы звучит в белизне моих стихов. <sup>5</sup>

Хочу писать книгу (в прозе) маленькую и очень странную «о любви». <sup>6</sup>

<sup>г</sup> Смешной, нелепый (фр.).

Итак, Бэла, Бэла, Бэла милая, жду скорого ответа. Отсюда уехать не могу — здесь так упоительно — но все-таки отвечайте в Петербург — я там буду около 14 января. Трезво и все-таки пьяно целую Ваши руки... и не только руки.

Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> Имеется в виду предыдущее письмо от 8 января 1906 г.

<sup>2</sup> Имя В. Розанова не случайно упоминается в данном контексте: ему был присущ острый и постоянный интерес к проблемам пола, эроса, плотской, «земной» любви, о которых он часто и предельно откровенно высказывался публично. Ср. в мемуарах З. Н. Гиппиус: «Так называемые розановские „вопросы“, — то, что в нем, главным образом, жило, всегда его держало, все проявления его окрашивало, — было шире и всякого эстетизма и уж, очевидно, шире всяких „политик“. Определяется оно двумя словами, но в розановской душе оба понятия, совершенно необычно, сливались и жили в единстве. Это Бог и пол. <...> Последний „вопрос“ и вообще-то, для всех, пребывал тогда в стыдливой тени или в загоне; как же могло яркое вынесение его на свет Божий не взбудоражить, по-разному, самые разные круги?» (*Гиппиус З. Живые лица*. Вып. 2. Прага, 1925. С. 20—21).

<sup>3</sup> Речь идет о стихотворении «Ослепительная снежность...»:

Ослепительная снежность,  
Усыпительная нежность,  
Безнадежность, безмятежность —  
И белó, белó, белó.  
Сердце бедное забýло,  
Все, что будет, все, что было,  
Чем страдало, что любило —  
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало,  
Где конец, и где начало,  
Я не знаю, — укачало,  
Сани легкие скользят,  
И лечу, лечу без цели,  
Как в гробу иль в колыбели,  
Сплю, и ласковые ели  
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,  
Я живу иль умираю,  
Я не знаю, я не знаю,  
Только тихо стýнет кровь.  
И белó, белó, безбрежно,  
Усыпительно и нежно,  
Безмятежно, безнадежно,  
Как последняя любовь!

Автограф стихотворения при письме не сохранился.

<sup>4</sup> Стихотворение было опубликовано с посвящением «Л. Н. В-ной» в журнале «Весь» (1906. № 3—4. С. 1—2). Мережковский в это время был за границей. В открытке, посланной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), он сообщал Вилькиной: «Сегодня прочел в „Весах“ мое стихотворение, посвященное Л. Н. В-ной, и многое вспомнил» (Л. 91).

<sup>5</sup> Слева на полях приписано: «Стихов этих не показывайте в *рукописи* Н(иколаю) М(аксимовичу) — мне стыдно» (Л. 70).

<sup>6</sup> Замысел этот, видимо, не был реализован.

$\frac{14}{I}$  <19>06. *Иматра*<sup>1</sup>

Сегодня, наконец, уезжаю отсюда. Не знаю, как выберемся — такая вьюга. Пожалуй, на дороге застрянем от снежных заносов. Вверху воет вьюга, а внизу — Иматра. В окнах бело, бело и грустно.<sup>2</sup> Пора в Петербург. Там — бесконечные дела. Приехал Булгаков,<sup>3</sup> Волжский<sup>4</sup> — хотят устраивать новый журнал.<sup>5</sup> Зовут нас. 28 января я читаю юбилейную лекцию о Достоевском в Философ(ском) Об(ществе), если только разрешат («Пророк русской революции»).<sup>6</sup> 18 января идет «Антигона» в моем переводе.<sup>7</sup> Мне жаль, что Вы ее не увидите. Эта трагедия — мне родная. Потом предстоит подготовка «Эдипа-Царя».<sup>8</sup> Выходит книжка «Грядущий Хам».<sup>9</sup> Надо писать статью в «Полярную звезду».<sup>10</sup> Вообще вихрь дел. Уже и здесь мы встретили в глухом лесу — кого бы Вы думали? — Максима Горького. Разговаривали очень любезно. Он, в сущности, милый «товарищ».<sup>11</sup> Но все это внешнее могу оборвать, чтобы приехать к Вам. Только нужно ли Вам, чтобы я приехал? Не хочу, впрочем, думать об этом, пока не получу решительного ответа на мои два последние письма, которые, надеюсь, Вы уже получили. Одно мне ясно: мне легче и отраднее Вас увидеть в Бельгии в феврале, чем в Ницце в марте. В Бельгию могу приехать *один*, а в Ницце я *должен* быть не один.

Здесь, на Иматре, я все время был с Вами. И мне отсюда грустно уезжать, — точно опять с Вами расстаюсь.

Ах, Бэла, Бэла, если бы Вы могли меня хоть чуточку любить, т(о) е(сть) верить мне — все сразу выяснилось бы для нас обоих. Страсть уменьшилась бы, утихла бы, но явился бы то, что неизмеримо лучше страсти. И даже не нужно мне Вашей любви (я слишком убежден, что ее быть не может), а нужна только последняя правда, последнее сознание, что у Вас нет и никогда не будет ко мне любви. Эта правда, сказанная Вами искренне и просто, бесконечно приблизила бы меня к Вам. И я мог бы тогда сделать Вам добро, которое мне так хочется сделать.

Очень жду Ваших писем. Целую руки, *только руки* на этот раз.

Д. М(ережковский)



- <sup>1</sup> Письмо адресовано в г. Маастрихт (Бельгия).
- <sup>2</sup> Обыгрывается рефрен из стихотворения «Ослепительная снежность...». См. примеч. 3 к письму от 10 января 1906 г.
- <sup>3</sup> Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, богослов, публицист. С ним Мережковские сотрудничали в 1904—1905 гг. в журнале «Новый путь», когда заключили союз с группой так называемых «идеалистов»; затем этот журнал был преобразован в новый орган («Вопросы жизни»), который С. Булгаков редактировал совместно с Н. Бердяевым и Н. Лосским.
- <sup>4</sup> Волжский (наст. имя Глинка Александр Сергеевич; 1878—1940) — критик, публицист.
- <sup>5</sup> См. об этом в примеч. 4 к письму от 8 января 1906 г.
- <sup>6</sup> Лекция была приурочена к 25-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Она должна была предшествовать той, которую Мережковский намеревался прочесть по приглашению Литературного фонда. В связи с этим 29 января 1906 г. Мережковский писал П. И. Вейнбергу: «7 февраля я буду читать мою лекцию в Философ(ском) О(бщест)ве. (...) Там, впрочем, я буду читать ее в более нецензурном виде, чем публично. Но по тому впечатлению Вы тем вернее будете судить о впечатлении публичной оцензуренной лекции. Боюсь, что мне ее разрешить — разрешат, а потом, когда раскусят, то начнутся гонения не только на нас, но и на Лит(ературный) Фонд. Ибо все же главная тема: „православие — самодержавие“ — весьма щелотливая, и „ортодоксей“, „абсолютизм“ ее не прикрыть. Впрочем, м(ожет) б(ыть) я и ошибаюсь и преувеличиваю. Очень хотелось бы также, ввиду моего скорого отъезда, назначить лекцию пораньше — не 20 февраля, а так 14—15 или даже еще раньше» (ИРЛИ, ф. 62, № 22, л. 1 об. — 2 об.). 12 февраля 1906 г. газ. «Слово» сообщала: «На днях в здании университета состоялось закрытое собрание петербургского философского общества, на котором известным писателем Д. С. Мережковским был прочитан доклад на следующую тему: «О религиозно-общественных идеях Достоевского». (...) Талант г. Мережковского, огромный интерес темы, связь ее с переживаемыми событиями, — все это собрало много публики. Доклад продолжался до 11-ти часов. Остальной час предоставлен для возражений» (Слово. 1906. № 382. 12 февраля. С. 4). Лекцию, организованную Литературным фондом, Мережковский прочел 18 февраля в зале Тенишевского училища. Эти лекции о Достоевском являлись сокращенным вариантом статьи «Пророк русской революции», которая в это время печаталась в журнале «Весь» (1906. № 2. С. 27—45; № 3—4. С. 19—47).
- <sup>7</sup> Трагедия Софокла «Антигона» (ок. 442 г. до н. э.) была впервые поставлена на русской сцене (в переводе Мережковского) 12 января 1899 г. в Художественно-общедоступном театре (ныне МХАТ) в Москве. Спустя семь лет, в январе 1906 г. премьера трагедии состоялась в петербургском Александринском театре (см. примеч. 5 к письму от 22 января 1906 г.). Следует учесть при этом, что в конце 1899 г. и в начале 1900 г. в Петербурге были осуществлены постановки «Антигоны» (в зале Кононова и в Малом театре), инициаторами которых были петербургские актрисы К. Дестомб и Л. Яворская. Узнав о постановке трагедии в зале Кононова, Мережковский, находившийся в то время в Италии, прислал в газету «Новое время» письмо, в котором заявлял, что он не только не принимал никакого участия в подготовке спектакля, но даже не был предупрежден устроителями его о намерении воспользоваться переводом (Новое время. 1900. № 8571. 7 января. С. 4).
- <sup>8</sup> Перевод в стихах трагедии Софокла «Эдип-царь» (ок. 429 г. до н. э.) также принадлежал Мережковскому. Впервые он был опубликован в журнале «Вестник иностранной литературы» (1894, январь).

- <sup>9</sup> Книга «Грядущий Хам», включающая шесть публицистических статей, вышла в Петербурге (издание М. В. Пирожкова) в начале 1906 г.
- <sup>10</sup> «Полярная звезда» — сженедельный журнал, издававшийся в Петербурге под редакцией П. Б. Струве с 15 декабря 1905 г. по 19 марта 1906 г.; печатный орган кадетов. Всего вышло 14 номеров «Полярной звезды». В этом журнале Мережковский опубликовал статьи «Мещанство и русская интеллигенция» (№ 1) и «Грядущий Хам» (№ 3). В февральских и мартовских номерах журнала Мережковского нет.
- <sup>11</sup> М. Горький находился в это время в Финляндии из конспиративных соображений, опасаясь возможных репрессий за активное участие в революционных событиях. Горького Мережковский воспринимал прежде всего не как художника, а как выразителя неприкрашенной правды жизни, философии и настроений «босячества», знаменательное общественное явление (см. статью «Чехов и Горький» в книге «Грядущий Хам». С. 43—101). Слово «товарищ» Мережковский обычно употреблял применительно к социал-демократам.

Я совсем решил ехать к Вам, когда получил Ваше письмо о «ревности». Не столько огорчился, сколько удивился. Я и не подозревал, что Вы «окружены ревностью». Это так не похоже на Вас и на Н(иколая) М(аксимовича). Ну просто не поверил бы, да и теперь еще, признаюсь, это кажется мне мало вероятным. Но, во всяком случае, я не хочу Вам доставлять никакого беспокойства, а потому не бойтесь, не приеду. Может быть, так и лучше, как Вы решили — «женственно», «жизненно». Вообще, Ваша жизненность, практичность меня изумляет и даже несколько смущает. А я-то разлетелся!.. Вообще во мне много глупой наивности, ребячества, от которых я никак не могу отделаться. «Юродство».<sup>1</sup> Ну, да теперь это дело прошлое. Я в сущности даже рад, что вышло так, как вышло.

Увидимся ли в Ницце? Я буду около Ниццы (Antybes или Сappes) [около] между 10—15 русского марта. Будете ли и Вы там в это время? Но ведь и в Ницце, так же как в Бельгии, Вы будете «окружены ревностью». Знаете ли, что я Вам предложу очень серьезно (как бы только опять не вышло наивности, ребячества?): пусть наши свидания в Ницце «под небом вечно голубым» (помните у Пушкина: «в тени олив, любви лобзанья мы вновь, мой друг, соединим»)<sup>2</sup> — будут совершенною, непроницаемою тайною для всех? Пусть никто никогда не узнает, что мы виделись? Хотите? Можете? Мне бы так отрадна была с Вами глубокая тайна. Ведь Вы теперь не можете не верить, что я Вас не предаю...

...Пришел Карташев,<sup>3</sup> помешал писать. Трудно возобновлять письмо.

Вообще здесь в Петербурге навалилась лавина всяких дел. Сегодня был на последней репетиции «Антигоны». Как мне жаль, что Вы ее не увидите! Вам бы понравилась постановка — в ней много моего, родного мне. Антигона-Лачинова так хороша, что в нее можно влюбиться (конечно, только на сцене).<sup>4</sup> Есть там песня об Эросе, которую нельзя слушать без восторга и ужаса.<sup>5</sup> На репетиции был розоволицый художник (фамилию забыл) с черноокою женою, за которую я когда-то ухаживал. Я удивился, как она могла мне нравиться. Это Ваше действие, Бэла? Бэла? Вы еще слышите нежность, с которою я произношу Ваше имя, Бэла, маленькая моя девочка? Или уже забыли? Последнее Ваше письмо как будто ласковое, но такое далекое, далекое. За чем Вы не захотели, чтобы я приехал, милая?<sup>7</sup>

Ваш Д. М(ережковский)

<sup>1</sup> В статье «Последний святой» Мережковский, назвав юродство «христовством» в самом христианстве», отметил: «Юродство есть отречение от человеческого разума во имя Божеского» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 169, 179). Возможно, он подразумевал также то место в статье В. Розанова «Среди иноязычных» (она посвящена Мережковскому), где речь идет о «юродстве» христианском и языческом (Новый путь. 1903. № 10. С. 228).

<sup>2</sup> Строки из стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальней...» (1830).

<sup>3</sup> Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — историк церкви, один из близких друзей Мережковских, разделявший их основные религиозные идеи; в то время — доцент Духовной академии.

<sup>4</sup> Премьера спектакля состоялась 24 января 1906 г. Рецензент газеты «Новое время» отметил, что постановка «оставила самое неопределенное впечатление»: «С одной стороны, величие античного политического протеста, которым полны хоры, и прекрасный перевод г. Мережковского, с другой — плохое исполнение... (<...> Вопрос: зачем тревожили великую тень Софокла? Ответ: такова воля директора». Характеризуя исполнительницу роли Антигоны Лачинову, он писал: «У нее в игре было много старания, много намерений, но очень мало искусства» (Новое время. 1906. № 10729. 26 января. С. 4). Рецензент газеты «Наша жизнь» Г. Ч(улков) расценил постановку трагедии как «большой культурный факт». Назвав героиню Софокла «душой мира», страдающей в темнице времени и пространства, он, в частности, писал: «Антигона — это вечный символ освобождающейся личности, которая мятежно отказывается от всех велений, — слишком „человеческих“» (Наша жизнь. 1906. № 353. 26 января. С. 4). Такая трактовка трагедии, в общем, — вполне в духе Мережковского.

<sup>5</sup> Мережковский имел в виду «песню» Хора:

Эрос, бог всепобждающий,  
Бог любви, ты над великими  
Торжествуешь, а потом,  
Убаюканный, покоишься

На ланитах девы дремлющей,  
Пролетаешь чрез моря,  
Входишь в хижину убогую.  
Ни единый в смертном племени,  
Ни единый из богов,  
Смерти чуждых, не спасается,  
Но страдают и безумствуют,  
Побежденные тобой.  
Ты влечешь сердца к преступному  
И к неправедному праведных,  
Вносишь в мирную семью  
Ты губительную ненависть;  
И единый взор, сияющий  
Меж опущенных ресниц  
Юной девы, полный негою,  
Торжествует над законами  
Вековечными богов, —  
Потому что все живущее,  
Афродита вечно юная,  
Побеждаешь ты, смеясь!

(Софокл. Антигона. Перевод Д. С. Мережковского.  
СПб., 1902. С. 40).

<sup>6</sup> На полях (Л. 79 об.) приписано: «Я даже письма боюсь Вам писать ввиду „ревности“».

## 24

С.-Петербург.  $\frac{8}{II}$  <19>06<sup>1</sup>

Не писал Вам так долго, Бэла, потому что рад был своему выздоровлению от Вас. Ибо все-таки моя страсть к Вам на  $\frac{3}{4}$  или еще больше — болезнь, психопатия, и только частица в ней здоровья. И очень мало надежды, чтобы здоровая часть победила болезненную. Для этого мне нужна бы помощь Ваша, а Вы для этого ничего сделать не хотите или не можете. Теперь я *почти* выздоровел [от Вас]. Увидимся ли в Ницце, зависит от того, захочу ли я выздороветь *совсем*. Может быть, и захочу. Может быть, Вы и сами можете мне выздороветь [совсем]. Вы уже сильно помогли [моему выздоровлению] письмом о «ревности». Это письмо было для меня, как ушат холодной воды. Другого, более примитивного и нормального человека [мысль о ревности] ревность воспламенила бы еще больше, а меня почти потушила...

Во всяком случае, если Вы действительно хотите, чтобы мы увиделись в Ницце, то вот мое условие: я приеду к Вам *один*, и Вы будьте *одна*. Приезжайте ко мне навстречу в Cannes или в Antybes, где мы и увидимся. [Вам] Сколько

времени останемся вместе и *наедине*, я не знаю — сколько захотим, сколько сможем. Никаких обязательств я не хочу ни с Вашей, ни с моей стороны. Каждый пусть уезжает тотчас, когда ему захочется. Вам неудобно такое условие? Опять — «ревность»? Ну что же, тогда не надо. Но иначе сделать я не могу и не хочу.

И если даже Вы согласитесь (*думаю, впрочем, что согласитесь*), то я все-таки не знаю, приеду ли к Вам: так я люблю здоровье и так мучительна мне всякая болезнь, даже сладостная болезнь страсти. Решу окончательно в Париже и тогда напишу Вам или телеграфирую, [что] и подожду Вашей ответной телеграммы, что Вы выезжаете ко мне навстречу *одна* и принимаете мое условие: иначе не выеду, и если мы не согласимся, то уеду на Корсику или в Испанию, *чтобы подальше быть от Вас* (видите, как я любезен!). Пожалуйста, отнеситесь серьезно к этому предложению моему и не заставляйте понапрасну трястись на железных дорогах мои «старые кости»: будьте и Вы со мною любезны!

На это письмо ответьте тотчас же сюда, в Петербург. Выеду отсюда *прямо в Париж* не раньше 24—25 марта, но, вероятно, и не позже (*все по русскому стилю*).<sup>2</sup> Остановлюсь в Берлине [день] два, три дня и, значит, буду в Париже в первых числах нашего русского апреля. Напишите также на всякий случай и в Париж: *Paris. Poste restante*.

Здесь в Петерб<sup>ург</sup>е все спокойно, как в могиле. Насколько я знаю и чую политические веяния, ни о каких преследованиях Н<sup>иколая</sup> М<sup>аксимовича</sup> не может быть и речи.<sup>3</sup> Все вообще устали и как-то оглупели или впали в обморок.

Философов отсюда уезжает послезавтра — вперед.<sup>4</sup> И мы готовим сундуки, — из этого Вы можете заключить, что отъезд наш дело решенное и более не отложится.

Ну, до свидания — или простите, Бэла, Бэла милая, прозношу Ваше имя, Бэла, с прежнею нежностью, потому что в страсти, несмотря на всю ее жестокость, есть все-таки нежность, и всего мучительнее, что никак нельзя узнать, что такое эта нежность — обман или правда. Но свобода лучше страсти — это все-таки правда для нас обоих несомненная? Не так ли, Бэла?

Всегда помнящий Вас  
Д. М<sup>ережковский</sup>

<sup>1</sup> Письмо послано в Ниццу.

<sup>2</sup> Мережковские уехали за границу 25 февраля 1906 г.

<sup>3</sup> Предположение Мережковского не оправдалось. Н. М. Минский вынужден был оставаться на положении эмигранта до 1913 г.

<sup>4</sup> З. Н. Гиппиус писала: «Философов уехал раньше нас, в Швейцарию, кажется, где были тогда его мать и сестры...» (Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 149).

## 25

*Среда <май — июнь 1906 г.><sup>1</sup>*

В четверг вечером я занят — не могу прийти. Но надеюсь, что мы в четверг же увидимся днем, так как мы условились с Николаем Максимовичем<sup>2</sup> вместе завтракать. Конечно, и Вы придете? Тогда и условимся, когда увидеться. А если не придете завтракать, то напишите и назначьте, если возможно, время до 6 ч<асов> вечера, так как вечером к нам в Auteuil,<sup>3</sup> где мы уже поселились, очень трудно добраться — извозчики не ездят и конки перестают ходить. Т<о> е<сть>, конечно, можно доехать, — но сначала надо приспособиться.

А видеть Вас, Бэла, мне хотелось и хочется *просто*, без всяких углублений и соображений. Я ведь вообще гораздо проще и наивнее, чем Вы предполагаете.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.<sup>4</sup>

Д. Мережковский

<sup>1</sup> Датируется по содержанию.

<sup>2</sup> Речь идет о Н. М. Минском.

<sup>3</sup> Auteuil — район Парижа, где Мережковские сняли квартиру на улице Теофиля Готье, «в самом начале этой, тогда новой, улицы, в только что отстроенном доме» (Дмитрий Мережковский. С. 150).

<sup>4</sup> На об. начального листа приписано: «У нас тут хорошо — зелено, листьями пахнет — совсем „дача“. И тишина провинциальная. Приезжайте к нам в гости, — на парходике по Сене пресвесело. Скажите Н(иколаю) М(аксимовичу), что «Грядущего Хама» я ему принесу завтра».

## 26

*<Между 5 и 27 августа 1906 г.><sup>1</sup>  
Fouesnant (Finistere) Beg-Meil.  
Hôtel de la Plâge*

Получил Ваше письмо и детски обрадовался. Вы в нем — прежняя милая Бэла. Если бы Вы были такая всегда! А я и не ждал ответа, думал, что Вы меня совсем забыли... Если я Вам все-таки написал, это значит, что есть у меня к Вам что-то подлинное; как это назвать, не знаю, но может быть и не нужно называть? Я только знаю одно, когда

Вы простая и веселая, мне с Вами тоже просто и весело. И несправедливо, что я Вам ничего не давал, кроме «фельетонных разговоров»: я Вам отражал в моей нежности то, что Вы сами в себе любите. И если после того, как Вы оттолкнули меня с такою жестокостью в последнее наше свидание, я все-таки к Вам иду или, вернее, «лезу», — значит, и Вы мне кое-что давали, хотя бы нечаянно и против собственной воли.<sup>2</sup> Кажется, мы нравимся друг другу тем, что мы оба очень *свободны* и бескорыстны.<sup>3</sup> Это главное, подлинное, а все остальное — внешнее, второстепенное. По крайней мере, признайте, что я — верный: *чем изменчивее, тем вернее* — это можно бы сделать моим девизом...

Вы спрашиваете, как я живу? Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России. Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное и небывалое в истории. И всего мучительнее, что нужно на это смотреть со стороны и бездействовать. Ибо все-таки наше дело — слово и мысль, а тут никакие слова, никакие мысли ничего не сделают.<sup>4</sup> Тут какое-то стихийное разрушение всего.<sup>5</sup> Когда закрыли Думу,<sup>6</sup> мы хотели было вернуться в Россию. Думали, вот когда «начнется»... Но теперь наступила такая безнадежность, что не имеешь силы думать о том, что будет...

Я живу в крошечной бретонской деревеньке на берегу Океана. Тихо и пустынно. Только шум океана и ветра в придорожных деревьях. Занимаюсь Павлом,<sup>7</sup> пишу статьи для Сборника,<sup>8</sup> катаюсь на парусе по морю, брожу по песчаным отмелям и порою думаю о Вас.

В Париже будем в начале сентября, но, может быть, оттуда поедет в Шантильи или Фонтенбло недели на две: очень хочется леса — он все-таки напоминает Россию. Пока, т<о> е<сть> до 1 сентября (здешнего) пишите сюда в Beg-Meil, а потом в Париж: 15<sup>bis</sup> Rue Théophile Gautier. Paris (XVI<sup>e</sup>).

Вы требуете клятвы, что писем Ваших никто не читает. Клянусь. Но ведь и клятве не поверите? Что же мне с Вами делать? Я этого не заслужил от Вас, Бэла. Скажу Вам просто, без клятвы: Вы должны мне в этом верить: не только писем Ваших никто не читает, но никто не слышал от меня за все это время ни единого слова о Вас. Всегда моей мечтою было, чтобы наша дружба с Вами была совершенною тайною. И я надеюсь, что Вы когда-нибудь в этом убедитесь. Ведь от Вас зависит, чтобы мы виделись так, чтобы никто никогда об этом не знал. Я этого хотел бы больше всего. А увидеть Вас мне хочется. Пришлите Ваш парижский ад-

рес. Где будете зимою? Не забывайте меня, а что я не забыл Вас, Вы ведь чувствуете, милая?

До свидания, Бэла.

Ваш Д. М(ережковский)

- <sup>1</sup> Датируется по содержанию. Свой новый адрес (Бретань, местечко Бег-Мейл), куда написала из Сан-Себастьяна Л. Н. Вилькина, Мережковский сообщил в открытке, посланной 5 августа 1906 г.: «Хотелось бы Вам написать, но ответите ли, а без ответа я писать не могу. Где Вы? Я пишу Вам эти слова точно с того света. И вот, все-таки пишу. Значит, бескорыстно. М(ожет) б(ыть) наш общий порок — чрезмерное бескорыстие. Всегда помнящий Вас Д. Мережковский. Адрес до нача(ла) сентября (здешнего): Fouesnant (Finistère). Beg-Meil. Hôtel de la Plage. Потом — Париж» (Л. 105).
- <sup>2</sup> В статье «О новом религиозном действии» Мережковский высказал мысль, что любить — значит «утверждать других, хотя бы против себя» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 170).
- <sup>3</sup> Ср. в записной книжке Л. Н. Вилькиной:
  - «1). Цель — быть счастливой.
  - 2). Чтобы быть счастливой, надо быть свободной.
  - 3). Свобода дается освобождением.
  - 4). Освобождение — отталкивать все притягательное, и счастье и привязанность» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 778, л. 6).
- <sup>4</sup> О том же Мережковский писал в статье «О новом религиозном действии»: «Ничего бы я так не хотел, (<...> как «высказаться окончательно». Но есть ли возможность сделать это сейчас, в те острые мгновенья, которые мы переживаем? Теперь все слова еще заглушаются громом событий» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 169).
- <sup>5</sup> Эти мысли о русской революции нашли развернутое выражение в статье «Религия и революция», где Мережковский писал о «беспредельной анархии, которая, кажется, и есть тайная, *ночная душа* русской революции» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 106). Ср.: «В настоящее время едва ли возможно представить себе, какую всеокрушающую силу приобретет в глубинах народной стихии революционный смерч» (Там же. С. 116).
- <sup>6</sup> 1-я Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г.
- <sup>7</sup> В то время Мережковский работал над пьесой «Павел I».
- <sup>8</sup> Речь идет о сборнике публицистических статей Д. Мережковского, З. Гиппиус и Д. Filosofova «Le Tsar et la Révolution», задуманном Мережковскими почти сразу по приезде в Париж. Мережковский работал тогда над статьёй «Религия и революция», одной из центральных в сборнике.

27

$\frac{27}{VIII}$  <19>06 (н. ст.)

Beg-Meil. Fouesnant (Finistère)  
Hôtel de la Plage

Вы уезжаете в Россию? Грустно. Очень хотелось бы Вас увидеть до отъезда. В Париже мы будем 1—2 сентября. На-



пишите по старому адресу...<sup>1</sup> Спасибо за ласковое письмо. Вы в нем прежняя милая Бэла, с которою мне легко, просто и весело.

Что же, однако, с Вами будет в России? Что Вы думаете там делать? Теперь, кажется, там хуже, чем когда-либо. Реакция, по-видимому, *искренняя*, не только сверху, но и снизу.<sup>2</sup> Или возвращаетесь просто потому, что стосковались по России, по Петербургу? Мне нравится, что Вы так любите Россию, несмотря ни на что. Тут Вы хотя и «жидовка», а настоящая русская.

А как же Ник(олай) Макс(имович)? Ведь ему нельзя вернуться. Где он будет? Напомните ему о статье для нашего Сборника.<sup>3</sup> А также пусть пришлет свою фотографическую карточку и биографическую заметку (маленькую — на одну страницу печатного текста). Мы решили дать портреты и краткие биографии всех участников. И попросите поскорее прислать статью — нам нужно приступить к переводу и печатанию.

В Париже мы останемся недолго, несколько дней (не больше недели), а потому нужно бы иметь тотчас Ваш адрес, чтобы успеть списаться с Вами и устроить свидание так, чтобы об этом никто не узнал. Впрочем, это не только от меня, но и от Вас зависит.

Не забывайте меня, а я Вас помню всегда и чувствую к Вам простую верную нежность.

Ваш Д. М(ережковский)

Мне от Вас ничего не надо, чтобы всегда чувствовали, что я Ваш верный друг. Бэла, не будем больше ссориться, не правда ли?

<sup>1</sup> Указан парижский адрес Мережковских по ул. Теофиля Готье.

<sup>2</sup> Считая «реакцию» органичной для русской революции и для российской действительности вообще, Мережковский в статье «Головка виснет» утверждал: «Мы утешаемся тем, что побеждены „силою штыков“ и что реакция наша — случайная, внешняя, политическая. Но так ли это в действительности? Не в том ли главный ужас наш, что переживаемое нами внешнее отступление есть внутреннее отступничество, что наша явная политика есть тайная метафизика? <...> Кажется иногда, что эта первичная реакция есть... первозданное шествование России; что сердце наших сердец, мозг наших костей — этот разлагающий радий; что Россия значит реакция, реакция значит Россия» (*Мережковский Д.* Больная Россия. СПб., 1910. С. 80—81).

<sup>3</sup> По первоначальному замыслу, в сборнике должны были участвовать многие лица, в их числе и Н. М. Минский. Но затем Мережковские отказались от этого намерения, решив составить сборник лишь из статей своих и Д. В. Философова.

X  $\frac{10}{23}$  <19>06  
15<sup>bis</sup> Rue Théophile Gautier  
Paris (XVI<sup>e</sup>)

Спасибо за милую записку. Только уж очень коротенькая, короче воробьиного носа. А хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете в реакционном Петербурге. Напиши(те) подробнее. Что Розанов и Вячеслав<sup>1</sup> и др(угие)?

Сейчас прочел Ваше стихотворение «Я» в З(олотом) Р(уне).<sup>2</sup> Увы, кажется, все-таки Людмила победит Бэлу.<sup>3</sup> По крайней мере, в отношении ко мне уже победила. А жаль Бэлы. [Для меня-то] Мне-то жаль, ну, а для Вас, пожалуй, хорошо. Я, впрочем, принимаю Вас и такую, как Вы есть. Мне нравятся обе — и Людмила, и Бэла.

В Париже — волчий холод. Н(иколай) М(аксимович) мечтает о керосиновой печке. Он был недавно у нас, обедал. Кажется здоровым, бодрым и веселым. Ходит в библиотеку и работает. Собираюсь к нему. А вообще здесь пустынно, такое ощущение, как на необитаемом острове. Мы издаем наш сборник у Regain'a.<sup>4</sup> Выйдет, должно быть, в январе. Но неизвестно, кто его здесь будет читать. Французам ничего не нужно, кроме того, что у них есть.

А Пирожков<sup>5</sup> что? Убедите-ка его издавать журнал. Бэла, а не Людмила, не забывайте меня. Пишите обо всем, — ведь мы здесь изгнанники, хотя и добровольные. А я Вас не забуду — ведь Вы это чувствуете?

Ваш Д. М(ережковский)

Пришлите Вашу книжку, когда она выйдет.<sup>6</sup> Не бойтесь — я ругать не буду.

<sup>1</sup> В. И. Иванов.

<sup>2</sup> Золотое руно. 1906. № 7—8—9. С. 103.

<sup>3</sup> Стихотворение построено на противопоставлении двух образов: «Бэла» воплощает некое стихийное, «демоническое» начало, а «Людмила» — «дух святости». Ср.:

Душа Людмилы с жизнью все светлела.  
В толпе людей она всегда одна.  
На Бэлу смотрит с горечью она,  
От счастья бежит, страшась предела.

Когда с Людмилой встретилась любовь,  
Она склонилась с нежностью лазурной.  
Но в Бэле дерзко взбунтовалась кровь  
И страсть зажглась — пожар среди ночи бурной.

Кто ближе мне и кто сильнее из двух?  
Дух святости иль страсти темный дух? . .

- <sup>4</sup> Речь идет о сборнике «Le Tzar et la Révolution», который вышел в Париже в 1907 г. Перрен издал ранее (во французском переводе) книгу Мережковского «Лев Толстой и Достоевский».
- <sup>5</sup> Пирожков Михаил Васильевич (1867—1927) — издатель, много и охотно печатавший произведения Мережковских. С марта 1903 по июнь 1908 г. в издательстве М. В. Пирожкова было выпущено 22 названия книг Д. Мережковского и З. Гиппиус. Он оказал Мережковским некоторую поддержку в период издания ими журнала «Новый путь» (1903—1904 гг.). См. о нем в статье М. Д. Эльзона «Издательство М. В. Пирожкова» (Книга. Исследования и материалы. Сб. 54. М., 1987. С. 159—185).
- <sup>6</sup> Речь идет о сборнике «Мой сад». Еще ранее, в открытке, посланной Вилькиной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), Мережковский писал: «...вспомнил о Вашем обещании прислать мне книгу Вашу. Вышла ли она? Если вышла, то пришлите. . . Я напишу о ней рецензию. Я вообще вернее, чем Вы, в своих обещаниях» (Л. 92). Намерение это, видимо, не осуществилось. По поводу предполагавшейся рецензии на книгу Л. Н. Вилькина писала В. Брюсову, решившему дать свой отзыв в «Весах»: «Милый друг, чего же лучше! Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты. А писала вам о Мережковском, п(отому) ч(то) он мне это поручил. Что ж, напишет в другом месте или о другой книге, которую хочу выпустить или весной или ранней осенью и куда войдут все стихи и все рассказы. А ведь в этой книге — только близкие моему сердцу» (цит. по кн.: *Брюсов Валерий*. Среди стихов. 1894—1924. М., 1990. С. 679; коммент. Н. А. Богомолова).